

Ида Мартин

Сердце Тудвина

Каждый надеется на взаимность

Ида Мартин
Сердце Гудвина
Серия «Young Adult.
В лабиринте страха»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70334185
Сердце Гудвина: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-199847-9

Аннотация

У одиннадцатиклассниц Алисы и Ксюши на носу выпускные экзамены, но когда на улице весна и воздух наполнен ожиданием любви, меньше всего хочется думать об учёбе.

Девушки составляют собственный рейтинг мужской красоты, мечтают стать журналистками и подыскивают платья к выпускному.

Ксюша не знает, на ком из парней остановить свой выбор, а Алисе пишет таинственный поклонник под ником Гудвин.

Казалось бы, не происходит ничего необычного, вот только за пылкими признаниями в любви Алиса отчётливо ощущает надвигающуюся угрозу.

Кто же такой Гудвин? Близкий друг? Одноклассник? Учитель? Ей необходимо срочно это выяснить, пока не случилось непоправимое.

Однако сделать это не так-то просто, ведь любовь ослепляет, а внезапная ссора с подругой грозит обернуться трагедией.

Содержание

Действующие лица:	10
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	64
Глава 6	77
Глава 7	92
Глава 8	105
Глава 9	119
Глава 10	128
Глава 11	138
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Ида Мартин

Сердце Гудвина

© Мартин И., 2024

© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Ида Мартин

Сердце
Тудвина

LIKE
BOOK

Москва
2024

Бог создал женщин красивыми, чтобы их могли любить мужчины, и глупыми, чтобы они могли любить мужчин.

Ф. Раневская

Действующие лица:

11«Б» – гуманитарный класс

Алиса Серова – девушка с длинными темными волосами

Ксюша Михайлова – блондинка, подруга Алисы

Саша Лужников (Лу) – лидер класса, спортсмен, краше-
ный под Машин Ган Келли

Паша Проскурин – друг Лу, владелец старых «Жигулей»

Марго Толоконникова – агрессивная девушка в стиле хип-
хоп, подруга Лу

Ника Сазонова – подруга Марго, девушка Проскурина,
рыжеватая и блеклая

Лена Колпакова – подруга Марго и Ники, чисто «группа
поддержки»

Веня Шалаев – косплейщик с разноцветными ногтями, за-
рабатывающий на Патреоне

Яков Ионович (Ионыч) – учитель русского языка и лите-
ратуры, их классный руководитель, пожилой и безобидный

11«А» – математический класс

Рома Бондарь – двоюродный брат Ксюши, положительный

парень

Кирилл Мартов – друг Ромы, наполовину башкир, поклонник Алисы

Матвей Оболенцев – лидер класса, красавчик и сердцеед

Тим Роцин – друг Матвея, шахматист, чья мама любила

Курта Кобейна

Степа Росс – друг Матвея, будущий программист, любит

Ксюшу

Кеша Ершов – мутный одиночка

Жанна Носова – внучка Ионыча, подруга Ромы, админ в группе с более 100 тысячами подписчиков

Ира Леонова – правнучка кандидатки физико-математических наук

Иван Сергеевич Аксенов – учитель математики, их классный руководитель, молодой и пользующийся уважением учеников

Родители

Мама Алисы – бухгалтер в строительной компании

Папа Алисы – банковский аналитик

Тетя Лариса – мама Ксюши

Альбина – младшая сестра тети Ларисы, мама Ромы

Дядя Сережа – папа Ксюши

Прочие персонажи

Важные:

Розовый Фламинго

Неважные:

Чижик, Олежка, Давид, странная женщина в очках, электрик, физичка, Леха и Котик

Глава 1

Когда мне пришло первое послание от Гудвина, мы с Ксюшей и ее двоюродным братом Ромой сидели у меня на кухне и ели фасолевый суп. Мы только вернулись из школы, и из того, что можно съесть по-быстрому, кроме супа, в холодильниках наших обеих квартир ничего не нашлось.

– Кто-то умер? – Ксюша застыла с ложкой возле рта. – У тебя такое лицо, будто случилось страшное.

– В универе подняли проходной балл по математике? – усмехнувшись, предположил Рома.

Я снова с беспокойством пробежалась глазами по строчкам сообщения.

– Это признание в любви, но какое-то странное.

– Что за признание? – оживилась Ксюша, отодвигая тарелку. – От кого?

– Понятия не имею. Страница фейковая, создана сегодня. Гудвин какой-то. Авы нет, друзей тоже.

– Покажи! – Она потянулась за моим телефоном.

– Читай вслух, – попросил Рома, когда он оказался у Ксюши в руках.

Ксюша вопросительно посмотрела на меня. Ее рваные белые прядки растрепались, зеленые глаза горели любопытством.

– Читай, – согласилась я, – может, там не все так ужасно,

как мне показалось.

– «Здравствуй, Алиса! Это сообщение я пишу не для тебя, а для себя», – громко начала она, и Рома иронично поморщился:

– Вот это поворот.

– «Поэтому можешь не опасаться, что я потребую ответ или на что-то рассчитываю. Смысла в подобных признаниях нет. Их пишут, пытаясь избавиться от мучительных терзаний, облегчить душу или выговориться», – голос у Ксюши был громкий, а тон насмешливый.

Но она так разговаривала всегда. Отчего тем, кто плохо ее знал, поначалу казалось, будто она подшучивает над ними.

– Че за бред? – снова прокомментировал Рома. – Раз смысла нет, то на кой писать? Выговориться, блин. Пусть маме своей выговаривается!

– Помолчи, пожалуйста, – попросила его сестра и продолжила: – «Мне ли не знать, что никто и никогда не отвечает взаимностью на глупые чужие страдания. И чем они очевиднее, тем шире пропасть. Ведь тот, кто ничего не сделал, чтобы завоевать любовь, не заслуживает даже жалости. А я не сделал, и не важно, по каким причинам». – Ксюша остановилась и подняла глаза на брата.

– Может, это Мартов?

– С ума сошла?! Он что, по-твоему, умом тронулся? Алиска и без того знает, что он ее любит, – отодвинув тарелку, Рома широко улыбнулся.

С Ксюшей они не очень были похожи. Только общей семейной породой: чистыми открытыми лицами с ясным взглядом, густыми, слегка вьющимися волосами и немного формой носа, как у обеих мам. Однако, когда они улыбались, даже незнакомый человек опознал бы в них брата и сестру. Их улыбка напоминала переливающееся в каплях грибного дождя солнце, такая же внезапно светлая и жизнеутверждающая.

– «Поэтому я просто фейк, который, перед тем как расстаться навсегда, решил высказаться. Так что это исключительно эгоистический порыв. Ты прекрасна, и я бы отдал все, чтобы сделать тебя счастливой. Спорим, ты сейчас улыбнулась?»

Рома издевательски прыснул, и Ксюша показала ему кулак.

– «Ты прекрасна! – передразнил он, скорчив придурочную физиономию. – Позволь мне сделать тебя счастливой!»

– Тебе не кажется, что он странно выражается? – спросила я.

– Еще как кажется.

Ксюша подняла ладонь, призывая нас помолчать. Она старалась читать сообщение серьезно, но получалось плохо: «Ты моя самая большая слабость и боль, но только с твоим появлением в моей жизни я смог ощутить, что мое сердце умеет любить, что оно живое и способно испытывать чувства, над которыми раньше я лишь насмехался.

Но ты такая, словно некто всесильный решил проучить меня, сделав так, что наши пути пересеклись, и не оставив надежды на спасение.

Мне нравится в тебе абсолютно все. Ты такая, какая есть. От головокружительной глубины глаз до едва уловимой улыбки. Твои роскошные волосы, руки, особенный, волнующий запах и нежность кожи. Я схожу с ума, наблюдая за тем, как ты двигаешься, и каждая моя ночная фантазия наполнена тобой.

Я люблю тебя вот уже два года, с тех пор как впервые увидел в школе, и не знаю, смогу ли пережить предстоящее расставание».

Пока Ксюша читала, ее глаза все сильнее округлялись, но Рома не произнес ни слова: «Я лишь хочу, чтобы ты знала, что на свете есть человек, для которого все эти годы ты была причиной просыпаться по утрам, наполняя мою беспросветную жизнь смыслом».

Закончив читать, Ксюша все еще недоуменно смотрела в телефон.

– И это все? Серьезно?

– Просто заблочь его, Алис, и забудь, – отмахнулся Рома, – это явно какой-то глум. Нормальные люди так не пишут.

– То есть ты считаешь, что кто-то пытается меня разыграть? – Его версия мне понравилась больше, чем сумасшедший тайный поклонник.

– Приколы затеваются с конкретной целью, – Ксюша за-

думчиво изучала пустую страницу Гудвина. – Зачем ему тогда писать «не отвечай» и «мне от тебя ничего не нужно»?

Мой суп стремительно остывал, но есть расхотелось.

– Думаете, это кто-то из школы?

– Не факт, – Рома снова весело заулыбался, – может, какой-нибудь дворник, который два года метет улицы в нашем дворе?

– Но он пишет, что влюблен с тех пор, как увидел в школе. Это кто-то из наших или ваших, кто пришел в десятом.

– А мелких почему не считаешь? Девятый класс, например, самый пик гормональной дури.

– Настораживает последняя фраза, – перебила его Ксюша, возвращая мне телефон. – Все эти годы ты была для него причиной просыпаться по утрам, а теперь ее типа не станет? Что это значит?

– Ой, вот только не надо нагонять драму, – шумно отодвинув табуретку, Рома встал. – Это значит, что одиннадцатый класс последний. Просто он специально так написал, чтобы надавить на жалость.

– Ты прав: некрасиво ставить меня в такое положение. Теперь я чувствую вину за то, чего не делала.

– Вы такие наивные! – Рома развел руками. – Конечно же, он ждет ответной реакции. Иначе стоило бы так распинаться? «Я ни на что не рассчитываю». Угу, как же! Очень даже рассчитывает, раз не стал удалять страницу.

– И на что же он рассчитывает? – Мое беспокойство уси-

лилось.

– Откуда мне знать? Но версию с розыгрышем я так легко не отметал бы. А может, какой-нибудь лузер и задрот типа Столярова или Белова.

– Столяров? – Я нехотя представила худого сутулого Вову с хронической экземой на руках и вечно сальными волосами в качестве моего обожателя. – Вова дальше своего телефона ничего не видит. А Белов, по последним данным, гей.

– Никакой он не задрот, – сказала Ксюша, – у него тон уверенного в себе человека. И он пишет, что знает, каково это, когда признаются в любви, а ты не можешь ответить.

– Мне тоже так показалось, – поддержала я. – Он как будто возвышается надо мной. Типа «просто знай, что такой человек, как я, любит тебя, и теперь живи с этим».

– Перестаньте надумывать, – Рома обнял меня за плечи. – Там такого нет. Но если любопытно, то просто спросите, кто он.

– Ты же велел заблочить.

– Я имел в виду забить на него, но, если вам обязательно надо раздуть детектив, начинать нужно с самого очевидного.

– Так он нам и сказал, – хмыкнула Ксюша, – глупо создавать фейковый акк, чтобы потом раскрыть все карты.

Прихватив из фруктовой вазы банан, Ромка ушел в свою квартиру, а Ксюша под села ко мне.

– На самом деле прикольно, – она мечтательно вздохнула, – мне еще никто такого не писал.

– Ничего прикольного, Ксюш, мне кажется, это плохое сообщение.

Она нахмурилась.

– С чего ты взяла?

– В первый раз оно открылось в ночном режиме – белые буквы на черном фоне, хотя все остальное не поменялось.

– Обычный вэкашный сбой. У них вечно что-нибудь слетает. Давай лучше прикинем, кто это может быть.

– У меня никаких идей.

– Раз он пишет, что любит тебя два года, то, скорее всего, это тот, кто пришел к нам в девятом. – Ксюша выставила перед собой обе пятерни, приготовившись загибать пальцы. – У математиков: Оболенцев, Рошин, Мартов, Росс... так... Трусов, Фогель, Ершов. Семь. Правильно? И у нас трое: Лу, Проскурин и Шалаев. Десять человек.

Ксюша покрутила получившимися кулаками.

– Ладно! – Я притянула ее руку к себе и разжала пальцы. – Как думаешь, ответить ему что-нибудь?

– Конечно, ответить! Нужно выудить из него побольше информации. Разоблачить и припереть к стенке! – ответила подруга и весело подмигнула.

– А если он такой, что припирать не захочется? – предположила я и поморщилась.

– Ну... Из этих десятерых только Трусов совсем не вариант, но он и не может тебя любить.

– Почему это?

– Потому что он любит меня! – Выпрямив спину, Ксюша кокетливо повела плечом. – И Степа Росс, кстати, тоже.

– А Проскурин любит Нику, – добавила я.

– Это же замечательно! – Глаза подруги азартно блестели. – Троих сразу вычеркиваем.

– Четверых. Мартов и так чуть ли не каждый день твердит о своих чувствах. Зачем ему еще и писать?

Ксюша задумчиво нахмурилась, потом виновато посмотрела на меня.

– Ты не обижайся, но Матвея и Лу я тоже выбросила бы. Сомневаюсь, что кто-то из них снизойдет до таких слов, даже анонимно.

Матвей Оболенцев и Саша Лужников – общепризнанные лидеры, они фигурировали в топе нашего рейтинга красоты и постоянно с кем-нибудь встречались. Лу вечно вплетали в запутанный клубок любовных интриг, а Матвей морочил девчонкам головы, приближая и отдаляя их по очереди. Ксюше они нравились оба, но Лу предпочитал таких, как Маргарита Толоконникова, способных на раз выслать нюдсы и с кем можно сразу же перевести уровень взаимоотношений в горизонтальную плоскость. А Матвей вообще не заморачивался никакими привязанностями и сегодня мог позвать на свидание одну девчонку, а завтра уже другую.

– Тима тоже убираем. Он знает, что мне нравится.

– Ты ему об этом говорила?

– Нет, не говорила.

– Тогда не знает. Парни вообще никогда ничего не знают, пока им об этом прямо не скажешь. Но если это Тим, то все сходится. Гудвин говорит, что не сделал ничего, чтобы завоевать твою любовь. Вот он и не сделал, после того как Мартов на него наехал.

Спорить я не стала. Лучше всего, если бы Гудвином оказался именно Тим Роцин, а все, что он написал, правдой.

Тим мне нравился давно – уже месяцев пять или шесть, с начала учебного года. Он был высокий, светло-русый, с длинными, как у викингов или рокеров восьмидесятых, волосами и серьезным выражением лица, суровость которого удивительным образом скрадывалась благодаря милой смущенной улыбке. Роцин играл в шахматы и ездил на всевозможные турниры.

Однажды мы вместе переписывали тест по английскому и потом, болтая, час простояли во дворе. Был еще случай: я в школе искала Рому. Заглянула в кабинет математики, а там Тим, стоя на парте возле окна, вешал шторы. Выглядело это забавно, я пошутила над ним, а он рассказал, что проиграл, поспорив с математиком из-за какой-то задачки. Мы посмеялись.

Как-то я столкнулась с ним в поликлинике. Сначала сидели вместе в очереди, а потом он дождался меня после приема, и мы немного погуляли.

Ксюша посоветовала проявить немного активности, чтобы показать ему, что он мне симпатичен. Однако, стоило по-

дойти к нему на перемене и просто заговорить, как это тут же заметил Кирилл Мартов и все испортил.

– И что мне тогда ему написать?

– Ну... – Ксюша поднялась, собрала их с братом тарелки и поставила в посудомоечную машину. – Что-нибудь милое. С намеком, что у него есть шанс и все такое.

– А если это не Тим?

– А кто? Нет, Алис, реально больше некому.

– Вдруг все же это прикол? – засомневалась я. – Ленка с Марго стебуются?

Она немного помолчала.

– Мне сейчас надо домой – до маминого возвращения белье развесить, а когда придешь делать домашку, вместе придумаем ответ.

Мы жили в соседних квартирах. Дверь в дверь. И ходили друг к другу в любое время.

– Хорошо.

После ухода Ксюши я попробовала доесть остывший суп, но аппетит пропал. Перечитала сообщение Гудвина, внимательно вглядываясь в строчки. Тревожное чувство, охватившее меня поначалу, улеглось, и я уже сомневалась, что за этим странным признанием таилось предостережение.

Вообще, мы с Ксюшей были теми самыми подружками, которые обожают обсуждать парней, любовь и все, что с этим связано. Мы постоянно кого-нибудь любили, а кто-нибудь любил нас. Однако дольше месяца эти влюбленности затяги-

вались редко, потому что все, что назвалось серьезным словом «отношения», пугало нас обеих.

Обязательства, ссоры, ревность, душераздирающие драмы расставаний – подобное происходило вокруг, кого ни возьми.

Нет уж, нам вполне хватало двухнедельного романтического счастья – с цветами, поцелуями, волнующей перепиской и повышающими самооценку свиданиями. А потом мы просто влюблялись в кого-нибудь еще, и все заканчивалось раньше, чем успевало превратиться в отношения.

Кто-то, конечно, обижался и пытался «все» вернуть, но после объяснения, что это «все» он выдумал сам, никаких притязаний ни у кого, за исключением Мартова, конечно, не оставалось. Но Кирилл особый случай, и я до сих пор не знала, что с ним делать.

Любовное признание Гудвина меня не удивило. Я знала, что могу кому-то нравиться и, возможно, даже тайно, но то, как он это преподнес, вызывало необъяснимое беспокойство. А я терпеть не могла беспокоиться по таким вопросам. Беспокоиться стоило о предстоящих через месяц экзаменах и поступлении в универ, а все, что касалось любви, должно быть связано только с приятными чувствами.

Сообщение Гудвин отправил в десять двадцать утра, и все это время в Сети не появлялся, но, пока я сидела, задумчиво уставившись в экран, на его пустой аватарке неожиданно вспыхнул зеленый кружок. Упускать момент было нельзя.

«Почему ты не написал мне со своего настоящего аккаунта?» – спросила я первое, что пришло в голову. «А зачем?» – ответил он почти сразу. Действительно, зачем? Он же обозначил, что ничего от меня не ждет. «Так было бы проще». – «Ошибаешься».

Главное – соблюдать осторожность, напомнила я себе, если это розыгрыш, можно запросто попасть в идиотское положение.

«Ты из школы?» – «А какая разница?» – «Любопытно». – «Предположим». – «Из одиннадцатого?» – «А как бы тебе хотелось?» – «Никак». – «Тебе не понравилось мое письмо?» – «Нет». – «Почему?» – «Такое чувство, что ты его писал под чем-то».

В ответ он прислал ржущий смайлик, а затем: «Возможно». – «Это прикол такой, да?» – «Что именно?» – «Письмо твое». – «Нет. Я тебя правда люблю». – «И просыпаешься ради меня по утрам?» – «Ага». – «Где ты это скатал?» – «Можешь прогнать через антиплагиат».

Я задумалась. Он явно не производил впечатление депрессивного душнила и вполне мог оказаться Роциным, а мог и фейком моих дурацких одноклассниц типа Марго, которые нас с Ксюшей терпеть не могли.

«И что я, по-твоему, теперь с этим должна делать?» – «Ничего». – «Но ты же писал это с какой-то целью?» – «Я писал, потому что не мог ночью заснуть. И это уже не в первый раз, просто раньше никогда не отправлял. Перечитывал

утром и удалял. А сегодня так и не уснул, поэтому отправил». – «Погоди, кажется, здесь есть какое-то противоречие. До этого ты просыпался ради меня, а теперь еще и бессонница, и тоже из-за меня?» – «Ты мне не веришь?» – «Пока не понимаю». – «Можешь не верить. Я не настаиваю». – «Во все остальное тоже не верить?» – «Как хочешь». – «Значит, никакой любви нет?»

Последнее сообщение он открыл, но зеленый кружок пропал.

Я внимательно перечитала нашу переписку. Мне понравилось, что отвечал он легко и быстро. Марго так не сумела бы. Я почти не сомневалась, что переписывалась с парнем. Забавно – ему удалось меня заинтересовать. А вдруг это и правда Тим? Кто их знает, этих шахматистов?

Но даже если нет, то Ксюша права, это самый оригинальный подкат из всех, что когда-либо у меня случались.

Глава 2

Шли последние школьные недели, и на уроках старались только те, кому требовалось исправлять итоговые оценки, в основном силы были брошены на выполнение старых егэшных заданий, пробных тестов и заучивание цитат для сочинений.

Учителя в один голос твердили, что нужно собраться и совершить «последний рывок». Однако учиться до тошноты не хотелось. На улице стояла теплынь, витали запахи свежей зелени, щебетали птицы и расхаживали красивые весенние люди.

Я мечтала о даче, о поездке на море, о путешествии в Карелию, куда мы собирались обеими семьями в августе. Мне представлялась кристально чистая речка, огромная голубика и высоченные, до самого неба, сосны. А еще в моих фантазиях фигурировали неизвестно откуда взявшиеся ночные прогулки по городу, ранние завтраки в кафе с круассанами, катание на мотоцикле, карусели, танцевальные клубы и горячие поцелуи. После окончания школы мама милостиво согласилась на укорачивание волос, а если поступлю в университет и папа не заупрямится, сделаю себе от локтя до запястья татуировку. Какую-нибудь глубокомысленную надпись на латыни: «*Dum spiro, spero*» или «*Vita brevis, ars longa*», а может, наоборот, нечто простое и милое: стайка бабочек

на плече, разбитое сердце на лодыжке или черный полумесяц на шее под волосами.

В университете я наверняка встречу парня, в которого по-настоящему влюблюсь. Но произойдет это не раньше сентября, а сейчас предстояло, собрав волю в кулак, мужественно пережить прекрасный, но предназначенный не для меня, май.

Однако воля никак не собиралась. Я никогда так не маялась из-за учебы, как в эти чудесные солнечные дни. Темнело поздно, и ночи были такие упоительные, что я, слушая музыку, валялась под открытым окном, пока не начинало светать. А по утрам засыпала на уроках.

– Может, это все-таки Лу? – ущипнув меня под партой за коленку, громко прошептала Ксюша.

– Что? – Я с трудом вынырнула из бессвязного потока летних мыслей.

– Спишь, что ли? – Она отодвинула плотную завесу моих волос. – Говорю, может, Гудвин – это Лу?

Я посмотрела вперед, где у доски косноязычно пересказывал «Темные аллеи» Саша Лужников, а старенький учитель литературы Яков Ионович покорно слушал его, уткнувшись в древний бумажный журнал с оценками.

Лу был красавчиком и довольно популярной личностью. Он занимался водным поло, а свободное от тренировок время посвящал тусовкам. Насчет учебы Лу не парился, ходили слухи, что его так и так возьмут в универ, чтобы он играл

за их команду.

– Шутишь? – Я покосилась на подругу. – Мы вроде решили, что Лу чересчур высокого мнения о себе, чтобы кому-то писать, да и у нас взаимная неприязнь, забыла? Он бы скорее тебе написал.

Ксюша расплылась в довольной улыбке, она ждала именно такого ответа.

– От ненависти до любви один шаг – классика любовного романа. Они враждуют и на людях хейтят друг друга, а когда остаются наедине, их охватывает страсть...

– Нет у нас с Лу никакой страсти, – фыркнула я, – и ты это прекрасно знаешь.

– Я заметила, как он разглядывал тебя вчера на физре.

– Он на всех так пялится, и тебя разглядывает не меньше.

Письмо Гудвина написано грамотно и никак не вяжется с Лу.

– Зря ты так думаешь. Он, между прочим, далеко не туп.

– Точно не Лу, – отрезала я.

Разочарованно вздохнув, Ксюша подперла подбородок ладонью и снова принялась разглядывать Лужникова.

– Все-таки этот цвет ему очень идет, правда?

Пару месяцев назад Лу неожиданно покрасился в яркого блондина по типу Машин Ган Келли, чем привел Ксюшу и других девчонок в полный восторг. Теперь же он обрстал и ярко-белый смешался с его родным темно-русым, что смотрелось даже лучше.

– Угу, – отозвалась я, – и стрижка поинтереснее.

– Нет, я про рубашку.

К счастью, Лу закончил мучить Бунина, и Ионыч пригласил к доске Нику.

Именно «пригласил», он всегда так говорил: «А сейчас я приглашаю к доске...» И когда тебя вызывали отвечать, создавалось ощущение, будто шествуешь к сцене за «Оскаром».

– Сборник рассказов Бунина «Темные аллеи» является символом уходящей молодости, неразделенной любви, осмысления и сожаления... – с гордо поднятой головой затараторила Ника на весь класс.

– Поехали после седьмого платья на выпускной выбирать! – предложила я, неожиданно представив, что «уходящая молодость» – это про наше окончание школы. – Погода такая, что хочется чего-то радостного и приятного.

– Мне тоже хочется радостного, – откликнулась Ксюша, – какого-нибудь праздника или танцев.

– Вы уже достали болтать! – резко повернулась к нам Лена Колпакова. – Из-за вас я ничего не слышу.

– Ты не слышишь не из-за нас, а потому что глухая тетеря, – огрызнулась Ксюша, а я просто показала язык.

Из нас двоих Ксюша объективно красивее. Она выше меня и выглядит старше. У нее броские черты лица: огромные миндалевидные глаза, меняющие цвет от серых до темно-зеленых, большой чувственный рот, четко очерченные скулы

и ямочки на щеках. Она постоянно экспериментирует с волосами и последние полгода стрижется рваными перьями в стиле восьмидесятых и красится в платиновую блондинку.

Я же если и бываю в парикмахерской, то лишь для того, чтобы подровнять кончики, потому что обещала родителям оставить длинные волосы до выпускного.

У меня широкие темные брови, губы бантиком и узкий подбородок, а кончик носа вздернут, как у мультяшного персонажа, и еще румянец, вспыхивающий по любому поводу. Но зато глаза не меньше Ксюшиных: карие, круглые и тоскливые, как у голодного спаниеля. В детстве Рома шутил, что если я стану грустным клоуном, то и грим накладывать не придется.

И если у кого-то существовал рейтинг женской красоты, вроде того, что мы с Ксюшей завели на парней, то подруга набрала бы не меньше девяти баллов, а у меня не больше семи с половиной, по крайней мере, мне самой так казалось.

Рейтинг парней мы придумали четыре года назад, когда обсуждали, кто красивее: Шаламе или Хеймсворт. Долго спорили, сойдясь в итоге на том, что красивы оба, просто по-разному. Тогда для нас это было открытием – обнаружить, что одно и то же явление способно проявляться в столь различных формах.

По этой причине пришлось завести таблицу, куда попали знаменитости мужского пола, казавшиеся нам привлекательными, начиная от Айрона Пайпера и всех BTS до Генри

Кавилла и принца Дании Николая.

Все они получили от нас по десять баллов, после чего в этот рейтинг стали попадать реальные и знакомые нам люди: старшеклассники, друзья по даче, лагерю, вожатые, ребята из танцевальной студии, приятели Ромы по секции и даже курьер Вова с папиной работы, которого папа иногда присылал домой за документами.

Самым симпатичным доставалась девятка, потому что звездами они не были, а остальные распределялись по степени убывания нашей к ним симпатии.

Огромный список мы добросовестно и пристрастно заполняли пару лет, пока не надоело. Однако в десятом классе к нему снова пришлось вернуться, потому что старые классы расформировали и сделали два: математический и гуманитарный. Несколько человек из наших стареньких поступили в маткласс, кто-то остался в гуманитарном, а многие и вовсе разошлись по другим школам и колледжам. Зато на смену им к нам перевелись новые симпатичные парни, и «рейтинг красоты» пришлось срочно реанимировать.

После седьмого урока на выходе из школы нас догнал Рома.

– А чего вы нас не зовете?

– Куда? – удивились мы в один голос.

– За платьями. Мы с Кириллом поможем вам выбирать.

От раздевалки не торопясь к нам приближался Мартов.

– Откуда ты узнал? – удивилась Ксюша.

– Так вся школа уже обсуждает, – Рома довольно улыбался.

– Неужели вы хотите таскаться с нами по магазинам? Впервые вижу у тебя такой порыв.

– Кирилл хочет, – Рома понизил голос. – Очень просил уговорить вас.

– Зачем это ему? – вспыхнула я.

– Ясное дело зачем, – Рома весело подмигнул.

Он был спокойным, доброжелательным и необидчивым и все детство поддерживал нас с Ксюшей во всех выдумках и шалостях, которых на нашем счету хватало.

Ведь когда трое детей почти одного возраста чуть ли не круглосуточно находятся вместе, хулиганских проделок не избежать. Мы варили приворотное зелье из всей найденной в доме губной помады, строили из штор спальни моих родителей палатку, рисовали карту сокровищ на обоях, да много чего вытворяли. Между нами никогда не существовало мальчишеско-девчоночьей дистанции и в четырнадцать лет, под деловые советы Ксюши, даже учились друг на друге целоваться.

Но после того как Рома перешел в маткласс, он довольно сильно отдалился от нас, однажды и вовсе заявив, что мы «дискредитируем» его перед одноклассниками, которые все как один мечтали стать великими экономистами, банкирами, разработчиками технологий будущего и наномедиками

и которые считали, что гуманитарии – это просто неудачники, не сумевшие попасть в маткласс.

– Ладно, – милостиво согласилась Ксюша. – Поехали.

В компании парней нормального шопинга не выйдет – это стало понятно сразу, поэтому мы отправились в «Охотный ряд», где после быстрой пробежки по магазинам собирались погулять в Александровском саду и поесть мороженого, сидя на деревянных лавочках с круглыми спинками.

– Рома рассказал про сообщение, – сообщил Мартов, повернувшись ко мне лицом на эскалаторе, когда мы зашли в метро.

– Какое еще сообщение?

– Ты знаешь! – Он выдержал паузу.

– Ромка – болтун.

– А это секрет?

Мартов продолжал смотреть пристальным серьезным взглядом – по-другому он не умел. Карие, чуть раскосые глаза никогда не улыбались, даже когда он смеялся или дурачился. На его красивом мужественном лице одинаково отчетливо проступали черты татарских и славянских предков. Его мама была родом из Уфы, где, по его словам, проживало не меньше сотни их родственников. А отец тридцать лет назад переехал в Москву из Ярославля. Я их видела несколько раз на школьных мероприятиях. Обычные, ничем не примечательные мужчина и женщина. Просто удивительно, что

Кирилл такой привлекательный.

Первое время мы с Ксюшей сворачивали шеи, оборачиваясь на него, и сразу записали к девятибалльникам. А когда Рома привел его домой, так смутились, что, закрывшись у меня в комнате, просидели, пока он не ушел.

Неудивительно, что вскоре наши заинтересованные взгляды Мартов воспринял как сигнал к действию и, оказавшись в очередной раз у Ромы в гостях, поцеловал меня, притиснув к стене в коридоре.

Мы, конечно же, провоцировали его, но я воспринимала наш общий флирт как игру. Однако после поцелуя стало понятно, что со своими симпатиями он определился.

Мои восторги Ксюша не разделила, молча ушла к себе и рыдала два дня, пока я не пришла к ней и не сказала, что она мне намного важнее, чем совершенно чужой человек, пускай и такой симпатичный. Ксюша умоляла не обращать на нее внимания, уверяла, что поплачет и переживет, но я ответила, что никакой парень не встанет между нами, и с тех пор твердо держала обещание.

Это было непросто, потому что Мартов оказался страшно упрямым и отставать от меня не хотел. Признавался в любви, страдал и, чуть ли не каждый день появляясь у Ромы в гостях, приносил мне конфеты. Много раз я объясняла, что рассчитывать ему не на что, ругалась, злилась, бойкотировала его, но со временем привыкла и просто смирилась. И хотя Ксюша давно освободила меня от данного слова, вернуться

к началу было уже невозможно.

– Не секрет, но и не предмет для обсуждения, – после некоторого молчания ответила я.

– Покажешь, что он пишет?

– Зачем?

– Так... просто, – промямлил Мартов, – если тебе кто-то угрожает, хочу об этом знать.

– Все нормально, – я улыбнулась, – спасибо, нет никаких угроз.

– Если что, скажешь мне? – Он снова строго посмотрел.

Мне хотелось спросить, что он сделает в случае этого «если что», но разговор закончился вместе с эскалатором.

Мы пробежались по второму этажу торгового центра и спустились на первый, а там больше людей, шума и суеты. Заходя в магазины, осматривались мельком, шутя предлагали друг другу слишком вычурные и нелепые вещи, критиковали то, что мы с Ксюшей точно примерили бы, если бы с нами не увязались парни, и шли дальше. О выборе платья речи не шло, все это понимали, потому просто веселились.

Сообщение от Гудвина пришло в последнем магазинчике, куда мы заглянули из-за пестрой летней рубашки, на которую Рома запал, заметив на манекене. И пока они с Ксюшей, обожавшей покупать что-нибудь не себе, обдумывали, у кого из родителей лучше попросить две с половиной тысячи, я достала телефон и сразу обнаружила уведомление: «Надеюсь, ты купишь красное платье!» – написал Гудвин.

– Что там? – За спиной незаметно нарисовался Мартов и заглянул через плечо.

Я поспешила отойти от него, но Кирилл настойчиво последовал за мной.

– Это тот? Вы общаетесь? Ты уже знаешь, кто это?

– Кирилл, пожалуйста! – Еще не успев справиться с удивлением, я недовольно повернулась к нему. – Это мое дело. Личное! Я не нуждаюсь ни в опеке, ни в телохранителе и переписываюсь с кем захочу.

Выражение его лица оставалось таким невозмутимым, что на секунду я подумала, а изменится ли оно, если в него плюнуть или влепить пощечину.

– Все равно, – Мартов по-хозяйски пригладил мне выбившуюся из прически прядь. – Мне не нравится, что какой-то непонятный тип достает мою девушку.

– Что? – Я опешила.

Это не первое его подобное заявление, но сейчас оно прозвучало возмутительнее, чем обычно.

– Я не твоя девушка!

– Это пока, – упрямо выдвинув челюсть, буркнул он, – пока не моя. Но скоро будешь.

С трудом поборов закипающий гнев, я растянула искусственную улыбку.

– И как тебя вообще в маткласс взяли? Ты же ничего не понимаешь!

– Потому и взяли, что я сразу вижу решение, а не по сто

раз перечитываю условие задачи.

Его самоуверенность приводила в замешательство. Такие люди, как Мартов, запрограммированы на результат. Они долбят учебники, накачивают мышцы, тренируются, переписывают, пересдают, репетируют до тех пор, пока не получают то, что хотели. И чем труднее эта цель, тем она им важнее.

– Знаешь что? – негромко сказала я. – Я нарочно себе кого-нибудь заведу, чтобы ты наконец отвалил.

– Заведешь? – Мартов криво ухмыльнулся. – Котенка, что ли? Или щенка?

– Котенка, потому что щенок у меня уже есть.

Мы схлестнулись взглядами. На скулах Кирилла заиграли желваки, губы сжались, кулаки тоже.

– Ладно, – произнес он внезапно севшим голосом, – я вспомнил, у меня дела.

Резко повернувшись, Мартов быстро вышел из магазина.

Сообразив, что переборщила, я побежала за ним, но он уже пропал из виду.

Глава 3

Есть мороженое мы не пошли, и по пути домой Рома отчитывал меня, обвиняя в черствости и безответственности.

– Какая ответственность, Ром? – негодовала Ксюша. – Ответственность за что? За то, что у Кирилла слишком богатая фантазия? Что он выдает желаемое за действительное? Или за то, что два года игнорит Алискины просьбы отстать?

– За то, что она сознательно морочила ему голову, а потом придумала дебильную отговорку о какой-то идиотской клятве.

Брат с сестрой стояли, держась за поручень, лицом друг к другу.

– Никто ему голову не морочил, он таким родился, – продолжала отстаивать мою правоту Ксюша, – замороченным и упрямым. На месте Алисы могла оказаться любая приглянувшаяся ему девчонка.

– Любая не могла. Если бы я не знал, что вы с Алиской вытворяете это со всеми, я и слова не сказал бы. Но что ты, что она – ни грамма раскаяния.

– Еще немного – и я решу, что ты из тех, кто оправдывает насилие словами «сама виновата».

– Насилие я не оправдываю, но прекрасно понимаю, что у любого действия есть закономерное последствие. Скажем, если я выйду на улицу голым, меня заберут в полицию. А ес-

ли рассыплю хлебные крошки на площади, прилетят голуби и склюют их. Я могу переходить дорогу на красный свет, и, если меня собьет машина, это логично.

– Соберешься на улицу голым, – Ксюша прыснула, – не забудь предупредить. Мы с Алиской выйдем и поржем.

– Да, вам бы только поржать! – Рома отмахнулся. – Корооче, я понял. Горбатого могила исправит.

– Ты лучше Мартову объясни про закономерные последствия, – не выдержала я, – если человеку сказали сто раз одно и то же, то на сто первый получить по лбу вполне закономерно. Я уже и не думала, что его хоть что-то может пронять.

– Это из-за щенка, – откликнулся Рома, – его ребята этим стебут за то, что он бегаёт за тобой, высунув язык, как выдрессированный песик. А теперь ещё и ты это подтвердила.

– Вот пусть и не бегаёт.

– Блин, не понимаю, – Ксюша тяжело вздохнула, – Мартов же классный, когда не нависает. Он с любой девочкой у нас в школе может встречаться, чего его так на Алисе переклинило?

Рома пожал плечами.

– Любовь зла.

– Но я-то в чем виновата? Почему я должна его любить?

Рома то ли действительно не понимал, то ли просто подерживал друга из солидарности.

– Любить не обязана, но могла быть с ним помягче. Тебе же это ничего не стоит, а ему важно.

– Как это «помягче»? – Я воинственно прищурилась.

– Помягче?! – одновременно со мной возмутилась Ксюша. – Да он и сейчас без тормозов!

Поезд подъехал к станции, и мой взгляд бездумно заскользил по поджидающим его пассажирам, пока вдруг не выхватил из толпы человека в бледно-розовой одежде на костылях. Я бросилась к дверям, чтобы получше разглядеть его, но мы быстро покатались дальше.

– Выходим! – крикнула я ребятам. – Он там!

– Кто? – удивилась Ксюша.

– Фламинго! – Как только двери раскрылись, я вылетела на платформу, едва не сбив с ног возникшую на пути женщину.

Входящих было много, а пробираться через них оказалось непросто. Розовое одеяние мелькнуло, исчезая в предпоследнем вагоне, и я едва успела заскочить в него с другого конца, как автоматические двери сомкнулись, отрезая от меня отстающих ребят.

Рома замахал руками, показывая, чтобы я дождалась их на следующей станции, и поезд, глухо грохоча, въехал в тоннель.

Мы с Ксюшей три года мечтали найти Розового Фламинго. Поначалу почти месяц катались по всему метро, спрашивая о нем попрошайек, музыкантов, играющих в переходах, дежурных по станции и полицейских, потом перерыли весь интернет, надеясь отыскать свежее упоминание о встре-

че с ним, но безрезультатно. Потом успокоились и поиски прекратили, однако надежду не теряли никогда.

Сколько раз мы обсуждали, что скажем ему, как будем просить, что предложим взамен, а если не согласится, то хотя бы просто выясним, что с нами такое и как с этим жить.

Но теперь, с ужасом вглядываясь вглубь вагона, я застыла, не в силах сдвинуться с места. И если бы не грузная, толкающаяся бабка, нацелившаяся на освободившееся сиденье, я наверняка так и стояла бы до следующей станции, но от ее тычка отмерла и медленно двинулась вперед. Прошла до вторых дверей, потом еще немного.

Все спокойно. Никакой суеты или смятения среди пассажиров не наблюдалось, а по проходу, насколько я могла видеть, никто не шел. Я дошла до конца вагона и потрясенно обнаружила, что никакого Фламинго в нем нет. Нет ни одного человека, хоть отдаленно напоминающего розовую мушкетера на костылях.

Но я уверена, что видела его! Быть может, он вошел не в четвертый, а в пятый вагон?

Дождавшись остановки, я выскочила из поезда, в надежде перехватить Фламинго на выходе, ведь попрошайки проезжают всего одну станцию. Но из последнего вагона он не вышел и внутри его тоже не было. Произошедшее не поддавалось объяснению, даже с учетом того, что ко всякого рода странностям в своей жизни я уже почти привыкла.

Случай с Розовым Фламинго произошел, когда мы с Ксюшей заканчивали восьмой класс и выглядели совсем девчонками: в детских, почти одинаковых курточках, с цветными заколками в волосах и без грамма косметики на лице.

Стояла отличная апрельская погода с первым пригревающим солнцем и зябким, но приятно волнующим ветерком. Запрятав шапки в рюкзаки, мы часа два гуляли в одежде нараспашку по Арбату: ели мороженое, обсуждали парней из десятого, фотографировались чуть ли не у каждого фонарного столба и останавливались возле всех музыкантов. Художники зазывали нас позировать для портрета, а возле стены Цоя какой-то парнишка, снимавший трансляцию для своего канала, подарил нам по золотому воздушному шарик.

Домой возвращались на метро. Раскрасневшиеся, взбудораженные, смеющиеся над всем подряд. Дурачились на эскалаторе, и тетенька, сидящая внизу, в стеклянной будке, сделала нам замечание по громкой связи, что развеселило еще сильнее.

Влетели в вагон поезда, но садиться не стали, хотя свободных мест хватало, и первым делом повытаскивали телефоны. Обязательный ритуал, ведь в течение пятнадцати минут, пока мы в них не заглядывали, в мире произошло огромное количество событий. Даже в нашем маленьком личном мире и то произошло.

– У него новая фотка! – восторженно взвизгнула Ксюша.

– Где? – Я попыталась отнять у нее телефон, но она не поддалась.

– На своем посмотри. Боже, Алиска! Ну почему он такой красивый?

Она повернула экран телефона так, чтобы я не могла в него заглянуть и сгорала бы от любопытства. Пришлось открыть профиль Башарова у себя.

Мы с Ксюхой обе любили Юру Башарова из 10 «А» и днями напролет его обсуждали, любовались фотками, бегали на переменах на него «посмотреть», караулили после уроков, чтобы за ним «следить», слушали песни, которые ассоциировались с ним, писали ему с фейковых акков признания и придумывали всевозможные гадания, по которым выходило, что он нас тоже любит – обеих и одинаково сильно.

В том возрасте одна любовь на двоих, как занимательное хобби, объединяла, а заодно и развлекала. Это потом мы поняли, что наше восхищение Башаровым было даже не влюбленностью, а лишь ожиданием и поиском любви. Когда я открыла его новую фотографию, где он, широко улыбаясь, позировал, стоя во весь рост на качелях, не смогла сдержать радостного возгласа, и немногочисленные пассажиры в вагоне неодобрительно посмотрели в нашу сторону.

Ксюша громко и радостно расхохоталась.

– Клево, да?

– Дай воды, – тоже смеясь, попросила я, – аж в горле пересохло.

Сунув мне свой воздушный шарик в руку, а телефон в карман, она полезла в рюкзак за водой.

Поезд притормозил на станции. Двери открылись, выпуская и впуская людей, потом закрылись. Ксюша протянула мне бутылку, я попила, а потом заметила, что на нас больше никто не смотрит – все взгляды обращены в конец вагона, где, согнувшись в три погибели, медленно передвигался на костылях одноногий человек в бело-розовом одеянии. Лицо он спрятал под глубоким, низко опущенным капюшоном, кисти рук обмотаны бинтами, на единственной ноге красовался высокий шнурованный ботинок с вырезанным носом, откуда торчал белый носок. На одном из костылей была прикреплена обрезанная пластиковая бутылка, в которую он собирал подаяния. Весь вид попрошайки, от бледно-розовых шнурков до такого же цвета варежек, производил жутковато-странное впечатление. В глазах немногочисленных пассажиров читался испуг. Один мужчина, осмелившись, кинул в его бутылку пару монет. Остальные вжались в сиденья, ожидая, когда он пройдет мимо, не останавливаясь. Я поспешно отвела взгляд, как будто этот тип – Скромник из SCP, который, если заметит, что ты на него смотришь, немедленно схватит – и жизнь твоя закончится белыми помехами на черном экране.

А Ксюша неожиданно издала странный короткий смешок. Не нарочно и не то чтобы насмехаясь над этим человеком, а, как она позже объяснила, смех вырвался сам собой –

от неприятного напряжения и оттого, что мы до этого долго смеялись.

Как бы то ни было, стоило ей издать звук, как белый гребень капюшона тут же устремился в нашу сторону. Костыли монотонно застучали по полу вагона, мелочь в обрезанной пластиковой бутылке зазвенела, и с невероятной для инвалида скоростью попрошайка возник перед нами. Мы обе оцепенели от ужаса.

Головы он не поднимал, но из-под капюшона торчал неприятный острый нос, на котором сидели очки с розовыми стеклами. Узкие сухие губы беззвучно шевелились.

– Что? – с вызовом выпалила Ксюша.

Надеясь, что он оставит нас в покое, я кинула ему пару монет. Но бело-розовый человек не ушел, а потянулся к бутылке, которую я держала в руке. Пришлось отдать.

Попрошайка поднес ее ко рту, влил в себя порцию воды и, громко сглотнув, ослабил в темной, будто бы беззубой улыбке. Мы с Ксюшей едва дышали. Казалось, он стоял так перед нами, страшно улыбаясь, целую вечность.

– Больше нет, – наконец отмерла я.

В ответ попрошайка лишь кивнул и снова наполнил рот водой. А потом вдруг, туго надув щеки, шумно распылил ее прямо на нас, осыпая фонтаном брызг. От неожиданности и отвращения мы с Ксюшей завизжали.

Человек на костылях издал смешок, похожий на тот, что вырвался у Ксюши, и под изумленными взглядами наших по-

путчиков вышел из вагона, как только открылись двери.

– С вами все в порядке? – Пока мы, пребывая в молчаливом потрясении, вытирали ладонями воду с лица, к нам подскочила женщина. – Нужна помощь? У меня есть бумажные платки.

– Ничего не нужно, – буркнула Ксюша и, схватив меня за руку, утянула в начало вагона, где никто не видел, что произошло.

– Фу, какая гадость. Мерзость! – с трудом цепляясь за высокий поручень, принялась отплевываться она. – Меня, кажется, сейчас стошнит.

– Господи, ну зачем ты засмеялась!

– Думаешь, я специально?

– А что, если он заразный? Больной какой-нибудь, и теперь его бактерии осели на нас, и мы тоже заболеем?

– У меня вся кожа горит! – Она сделала вид, что раздрает скрюченными пальцами лицо.

– Может, выйдем?

– И что мы сделаем?

– Не знаю.

Мы с отчаянием посмотрели друг на друга. У Ксюши в глазах застыли слезы.

И тут раздался голос:

– А что он вам сказал?

Какой-то парень лет двадцати явно прошел за нами через весь вагон.

– Фламинго вам что-то говорил? Круто увидеть его вживую. Я сам хотел к нему подойти, но успел только сфоткать.

– Фламинго? – морщась, переспросила Ксюша.

– Ну да. Разве вы не знаете?! – удивленно воскликнул парень. – Это же Розовый Фламинго. Мемный чел. Почти легенда.

– Он в нас плюнул, – с упреком ответила я. – Что теперь с нами будет?

Парень беззлобно рассмеялся.

– Без понятия. Попробуйте погуглить.

Когда парень отошел, мы полезли в телефоны и выяснили, что Розовый Фламинго – известный персонаж московского метро. Где-то писали, что он страшный тип и привязывается к женщинам и детям с одному ему понятными целями, в других записях утверждалось, что он совершенно обычный человек, живущий своеобразной, но безобидной жизнью. Однако ни та, ни другая, ни какие-либо еще версии нам не помогли. Нигде не говорилось о том, чтобы он в кого-нибудь плюнул или облил водой. Да вообще не было хоть сколько-нибудь достоверной информации, одни лишь домыслы и байки.

На следующий день я проснулась с тяжелой головой, перегруженная и разбитая, будто всю ночь решала сложнейшие задачки по математике. Ничего не болело, и температура не поднялась, но внутри меня образовалась странная обес-

покоенность, неясное, переполненное волнением ожидание, словно что-то должно произойти. Не обязательно плохое, но определенно важное.

Тогда я еще не умела распознавать оттенки этих ощущений, слышать, видеть и считывать знаки, замечать скрытое, формулировать вопрос и уж тем более не связывала эти чувства с неприятным инцидентом в метро. Я не рассказала об этом Ксюше, потому что не знала, как объяснить, а она по тем же причинам не рассказала мне.

Мы просто в этот день почти не разговаривали, пребывая каждая в своем новом странном состоянии и списывая происходящее на магнитные бури.

На английском я сразу поняла, что меня не спросят, а за прошлый тест я получу четверку. На биологии весь урок ждала появления завуча, которая вместо этого заявила на физре. А в классе химии, заметив старую надпись на парте «Лена – проблема», догадалась, что речь идет о девчонке из 9 «Б».

В столовой до меня донесся обрывок чьей-то фразы «придется вернуться», которая сидела в голове до тех пор, пока по дороге домой я не вспомнила, что оставила пакет с формой в раздевалке. На перемене мы с Ксюшей наткнулись на Башарова, но даже не обратили внимания на цвет его рубашки и не заметили, посмотрел ли он на нас.

Вместо этого я думала, что хочу прокатиться на мотоцикле и научиться играть в шахматы. Никогда прежде подобные

мысли не приходили мне в голову, точно так же, как и не было интереса к новостным лентам в интернете. Однако в этот странный день я впервые открыла их и принялась читать все подряд, не останавливаясь ни на чем конкретном, не особенно вникая в суть, не выбирая тему или специфику событий. Просматривала их, будто пытаюсь что-то найти, но не понимала, что ищу.

А вечером выяснилось, что папа продал машину и теперь у нас будет новая. Ничего особенного, и все же, узнав это, я сразу успокоилась, будто ждала именно его.

Однако на другой день странности продолжились. В звуке работающей посудомоечной машины мне почудился неразборчивый шепот, предупреждающий, что йогурт просрочен, с вешалки свалился школьный пиджак, и я вдруг решила его надеть, хотя обычно носила пуловеры или шерстяные кофты. Позже пиджак пригодился, чтобы спрятать в его карман шпаргалку, когда на физике перед контрольной заставили сдать телефоны. Песня предсказала мне дождь, а на старой прошлогодней фотке в телефоне обнаружила число 56.

От того, что все это так резко на меня навалилось, вдруг стало казаться, что я схожу с ума, и мне было страшно признаться в этом даже лучшей подруге, от которой у меня в жизни не было тайн.

Через три дня Ксюша сама пришла ко мне и объявила:
– Я тебе сейчас кое-что скажу, только поклянись, что выслушаешь до конца и не будешь смеяться.

С облегчением откинув версию сумасшествия, ведь невозможно одновременно и совершенно одинаково сходить с ума, мы возомнили себя чуть ли не волшебницами, способными предвидеть будущее. Однако длилась эйфория недолго: очень быстро стало понятно, что плохого в этом знании намного больше, чем хорошего.

Во-первых, если должно было случиться нечто дурное, мы начинали замечать тревожное повсюду. В доносящемся издалека вое сирен, в слоганах на рекламных щитах, в соринке, попавшей в глаз, в опрокинувшемся стуле и сколе на лестничной ступеньке. Страшные сны, чудные видения, оживающие тени и голоса из ниоткуда. Причем каждое отдельно взятое явление было осознаваемо и объяснимо, но, преломляясь через наше сознание и имея массовый характер, знаки сливались в параноидальное состояние помешательства. Нет, хорошее мы тоже могли предчувствовать, но плохого всегда оказывалось больше.

Во-вторых, даже если мы приблизительно догадывались, что именно должно произойти, то далеко не всегда получалось это изменить. Так, Ира Леонова сломала палец, хотя мы ее предупреждали, чтобы в тот день не выходила из дома, и она даже послушала нас, но, затеяв уборку в своей комнате, уронила на ногу утюг. Мама посмеялась над моими опасениями, что она потеряет телефон, а через два дня его вытащили у нее из кармана в магазине. Мы с Ксюшей бойкотировали школьный поход в театр, но Бобров все равно подце-

пил там гадкий вирус и заразил весь класс.

О чем-то глобальном и говорить было нечего. Когда в новостях писали о несчастных случаях или катастрофах, мы смутно ощущали некую особую сопричастность, но вмешательство в подобное существенно превышало наши возможности.

Вдоволь наигравшись в провидиц и намаявшись, мы с Ксюшей дружно решили, что больше этого не хотим. Пытаюсь отыскать Розового Фламинго, катались неделями на метро, перерыли весь интернет в надежде получить хоть какие-то ответы, даже сходили к двум экстрасенсам и одному магу. Однако поиски успехом не увенчались, а эзотерики поразили нас исключительно актерскими и коммерческими талантами, содрав кучу денег, но не ответив вразумительно ни на один вопрос.

По-настоящему нам помогла только прабабушка Иры Леоновой, когда мы зашли навестить Иру. Несмотря на наши настойчивые просьбы никому ничего не рассказывать, Леонова все же разболтала, что мы пытались убереечь ее от перелома, и прабабушка позвала нас к себе в комнату, велел плотно прикрыть за собой дверь.

Старушка полулежала на высоких подушках в кровати, но выглядела весьма бодро. Гордо поднятый подбородок, аккуратная стрижка, внимательный взгляд, громкий уверенный голос.

– Я кандидат физико-математических наук, – завидев нас, объявила она, – сообщаю для информации, чтоб вы знали, что ни в какую магию и прочую чушь я не верю.

Мы растерянно встали около кровати. Присесть нам не предложили.

– Все, что вам кажется непонятным, является исключительно результатом сложной работы головного мозга, обрабатывающего информацию из внешнего мира и выводящего вероятности из тысяч происходящих вокруг событий, которые без должного фокуса остаются за пределами вашего внимания.

– Э-э-э, – растерянно протянула Ксюша, – и что это значит?

– Только то, что вы отлично научились слушать свой внутренний голос или, проще говоря, у вас отличная интуиция. Эйнштейн говорил: «Интуитивный разум – это священный дар, а рациональный – верный слуга».

– Понятно, – сказала я, потому что не знала, что еще сказать.

– Я позвала вас потому, – прабабушка перешла наконец к делу, – что мне не хочется, чтобы вы забивали Ирочке голову своими предсказаниями и предчувствиями. Она у нас готовится поступать в математический класс, и эта антинаучная ерундистика настраивает ее на нерабочий лад.

– Мы просто хотели помочь, – оправдываясь, пробормотала Ксюша.

– Ну и? Помогли? – Старая женщина скептически скривилась.

– Но кто же мог предположить, что она уронит утюг? – ответила я, чувствуя, как закипает негодование, оттого что Ира на нас донесла.

– В том-то и дело! – Подбородок старушки задрался еще выше. – Способность использовать священный дар напрямую зависит от работы верного слуги.

– В смысле? – Ксюша озадаченно поморгала.

– От мозгов зависит! Это ты понимаешь?! И если их мало, то ваши интуитивные домыслы только вредны.

– Если вы такая умная, – Ксюша воинственно скрестила руки на груди, – то наверняка должны знать, как от этого избавиться. Как перестать замечать эту информацию внешнего мира? Он нас не просто информирует, а уже забомбил всякой фигней, которую мы не в состоянии переварить.

– Это легко, – фыркнула она, – правило номер один: если тебе вдруг что-то показалось, немедленно забудь. Правило номер два: никаких взаимосвязей и домыслов. Сон – это просто сон, а сновидения – субъективное восприятие образов. Вороны каркают, потому что они не кукарекают, а зеркала бьются из-за неуклюжих людей. И, наконец, правило номер три: все, что ваше, должно оставаться только вашим, иначе это превращается в коллективную фантазию, лишь отдаленно имеющую отношение к действительности.

– Но мы же не можем не рассказывать друг другу о своих

переживаниях! – удивилась я. – Мы же лучшие подруги!

– Можете! – отрезала женщина.

И пускай разговор состоялся не особенно приятный, а прабабушка Иры нас не переубедила, ее правила мы решили все-таки применять, и это действительно сработало.

Я так глубоко погрузилась в эти воспоминания, что совершенно не заметила, как подъехал следующий поезд и Ксюша с Ромой подскочили ко мне.

– Ты его видела? Разговаривала? – Ксюша горела от возбуждения. – Что он сказал?

– Ничего не сказал. Его там не оказалось.

– То есть как?! – разочарованно воскликнул Рома. – Вся эта беготня просто так? Ну ты, Серова, даешь! Восемнадцать лет тебя знаю, и все равно каждый день что-нибудь новенькое.

– Прости. Я сама расстроена.

– Мне это не нравится, – серьезно сказала Ксюша.

Я обреченно кивнула.

Глава 4

– То, что Гудвин написал о платье, вовсе не означает, что он там был, – сказала Ксюша. – Он вполне мог видеть запись. Извини, но тогда ты была звездой. А если он твой фанат, наверняка сохранил пару видосов для себя.

Я надевала красное платье всего один раз – на прошлый Новый год, и воспоминания, связанные с тем вечером, были не самыми лучшими.

Тогда я впервые перебрала с алкоголем. Это получилось случайно, ведь до этого я ничего крепче шампанского не пила, а после и шампанское тоже. Но именно из-за него все так и произошло.

Встретив Новый год дома, мы с Ксюшей и Ромой отправились в гости к Ромкиному однокласснику Степе Россу. Родители его уехали, и он пригласил ребят к себе.

Чтобы не идти в гости с пустыми руками, мы прихватили со стола открытую бутылку шампанского и вино. Но пока шли, пили шампанское прямо на ходу. Тогда казалось, что это очень весело, потому что сверкали салюты, играла музыка, попадались шумные, но доброжелательные люди, поздравляющие нас с Новым годом. Мы кричали на всю улицу «Новый год к нам мчится» и толкали друг друга в снег.

Идти до дома Степы было недолго, но шампанское мы допили прежде, чем попали к нему, и оставили пустую бутылку

на ступеньках возле подъезда.

В квартире было жарко, душно и полно народа. Нас радостно встретили и немедленно сунули в руки бокалы. Последнее, что я относительно неплохо запомнила, как Ксюша тащит меня танцевать, а все остальное знала только по чьим-то рассказам и стыдным видео, ради полного изъятия которых в последующие полгода мне потребовалось потратить немало сил и вытерпеть достаточно насмешек.

Словом, вела я себя не лучшим образом, обнималась и целовалась со всеми подряд. Со стороны это выглядело ужасно, но меня переполняло ощущение, что я всех люблю. Всех-всех: ребят, девчонок, просто всех людей в мире и весь мир тоже. И эта всеобъемлющая любовь казалась мне такой огромной, что ее невозможно было выразить словами. Я танцевала с Ксюшей, с парнями, потом и вовсе одна. Толкала тост о том, что всех люблю, и в конечном счете оказалась с кем-то в спальне, откуда Мартов меня и вытащил. Упаковал в пуховик и, никого не предупредив, унес домой.

Впоследствии я была ему за это благодарна, но, когда он меня тащил, отчаянно сопротивлялась и кричала на всю улицу, вызывая о помощи, из-за чего прохожие чуть было не вызвали полицию. Спасло только то, что в этот момент меня начало тошнить, я расплакалась и стала говорить Мартову, что его я тоже люблю, хоть он и злой.

Один из самых неприятных эпизодов в моей жизни, который хотелось вычеркнуть как страшный сон, и любое на-

поминание о нем вызывало вспышку амнезического отрицания.

– Это только кажется, что быть красивым легко, – крепко прижавшись ко мне, пробубнила Ксюша.

Теми же словами она успокаивала меня и тогда. Утверждала, что, если бы запись была зашкварная, о ней бы столько не говорили, а бум случился лишь потому, что я произвела фурор. Я знала, что это неправда и что позорное обсуждают и смотрят намного больше, чем красивое, но все равно была ей благодарна. Только с ее помощью мне удалось не удариться в самобичевание, а принять случившееся с гордо поднятой головой: «Ну да! Было. Бывает. И что?»

Сама Ксюша в тот вечер тоже отличилась. Девочка, с которой к Степе пришел Матвей Оболенцев, застучала их двоих флиртующими на кухне и, закатив истерику, уехала домой. После этого инцидента Матвей с Ксюшей закрылись в комнате, а спустя время он объявился один и сказал, что Ксюша пропала и на звонки не отвечает.

Рома заволновался. Стали искать и обнаружили пропажу Ксюшиной верхней одежды. Это происходило, когда Мартов уже унес меня домой, поэтому участия в поисках я не принимала.

На следующий день Ксюша объяснила, что, испугавшись слишком бурно развивающихся отношений, убежала на улицу «проветриться», но это заметил Степа и спустился за ней, узнать, что случилось, и они гуляли во дворе почти до само-

го утра.

В итоге Матвей оскорбился, а Рома так отчитал нас обеих, что последний Новый год мы провели дома с родителями, играя в шарады, и, как примерные девочки, легли спать в четыре утра.

Когда Ксюша ушла к себе, позвонил Мартов. Ему я написала еще в метро и извинилась.

– Я не обижаюсь, и извиняться тебе не за что, – сказал он, – просто требовалось все обдумать.

– Что обдумать?

– Все.

Говорил Кирилл спокойно, и я с облегчением выдохнула.

– Вы купили платье? – перевел он тему.

– Нет.

– Почему?

Я хотела ответить, что он и без меня знает почему, но вдруг вспомнила, что, когда пришло сообщение Гудвина о платье, Мартов отошел в сторону.

– Скажи, а тебе нравится мое красное платье?

Несколько секунд он молчал.

– Нет.

– Как так? – возмутилась я. – Красное – это же классика.

– На тебе оно смотрится дешево.

– Что значит «дешево»?

– В этом платье ты выглядишь как проститутка, – ничуть не смущаясь, выдал он.

– Почему? Мне же оно идет!

– Ты спросила, я ответил.

– Поклянись, что Гудвин – это не ты.

– Клянусь.

– Чем клянешься?

– Тобой.

– Мной? Чего это ты мной клянешься?

– Ну клянутся же обычно чем-то дорогим.

– Ладно, пока!

– Пока, – он отключился первым.

Выругавшись, я откинула телефон.

То, что Мартов сказал про платье, было обидно. Наверное, отыгрывался за щенка.

Гудвин объявился после двенадцати. Я как раз дочитывала параграф по истории и собиралась послушать музыку перед сном.

«Что ты делаешь, когда у тебя плохое настроение?» – «Ищу того, кто мне его поднимет», – не раздумывая, ответила я. «А если рядом никого нет?» – «Тогда смотрю приколы на «Ютубе» или ложусь спать. А ты?» – «Просто иду бродить по улицам. Это отвлекает. Ненавижу себя жалеть».

Его внезапное откровение заставило меня отложить учебник.

«Между прочим, зря. Себя жалеть иногда очень полезно. Посидишь так, пожалеешь немного себя – и все проходит. Я так делаю, когда с родителями ссорюсь. Никому на них

не жалуясь, даже Ксюше, потому что мы с ними потом помиримся, а у нее останется осадок». – «Интересный метод, но не для меня».

В этот раз он отвечал быстро, с заинтересованностью человека, настроенного на доверительную беседу.

«Ты не ссоришься с родителями?» – «Я вообще ни с кем не ссорюсь». – «Так не бывает». – «Бывает». – «Типа ты идеальный?» – «Нет, но ссора – это бессмысленный выплеск эмоций, который ни к чему не ведет. Просто ругань. А ругаться неинтересно, да и время на это жалко». – «Я не представляю человека, который не ссорится. Как же ты живешь? Подстраиваешься подо всех? Делаешь вид, что всем доволен?» – «Конечно, не всем. Но это повод для конфликта, а не для ссоры». – «И в чем разница?»

В этот раз писал он долго, я предположила, что собирается отшутиться, но потом пришло большое и совершенно серьезное сообщение: «Конфликт – это столкновение интересов и попытка отыскать наилучшее, устраивающее всех решение. Ссорятся люди, считающие себя правыми и требующие, чтобы было так, как хотят они. Тянут одеяло на себя, упираются и треплют нервы. Это соревнование – кто кого задавит, но не выход из противоречия. В конфликте же ты действуешь так, чтобы решить задачу кратчайшим способом, а для этого в условиях должны обязательно учитываться интересы твоего оппонента!» Строгий, разумный, хладнокровный ответ.

«Все с тобой ясно. Ты из маткласса. Там все такие замороженные». – «Возможно, да, а возможно, я просто хочу, чтобы ты так думала». – «Значит, опять все, что ты сейчас наболтал, неправда?» – «Необязательно, но не исключено». – «Нет, ты точно математик».

«Можешь считать меня тем, кем тебе хочется». – «Скажи, а ты красивый? Мне хотелось бы, чтобы ты был красивым». – «Нормальный».

Мне стало смешно: быстро же исчерпалось его красноречие.

«Тогда странно, что ты шифруешься. Вдруг я в тебя тоже влюблюсь?»

Пару минут он не отвечал, и я заволновалась, что спугнула его, поэтому продолжила сама: «А вот если представить шкалу красоты от нуля до десяти, ты на сколько баллов себя оцениваешь?» – «Рофлишь?» – тут же отвис он. «Нет. Но если не хочешь, можешь не говорить, хотя мне все равно любопытно». – «Себя оценить сложно». – «А мне ты сколько баллов дашь? Если считать, что десять у Моники Беллуччи и Ханде Эрчел». – «Не знаю, кто такая Ханде Эрчел, но, если сравнивать с Беллуччи, то я бы выбрал тебя». – «Да, ты мастер комплиментов. Неожиданно. Ты так серьезно рассказывал про конфликт, что я подумала, будто переписываюсь с ботом». – «Ботом, обученным признаниям в любви». – «А такие боты существуют?» – «В нейросети, скорей всего, да. А если нет, то скоро появятся». – «А давай ты станешь

моим персональным ботом? Будешь говорить мне комплименты, восхищаться мной, присылать милые картинки и сердечки. Болтать со мной по ночам и советовать, что надеть. Показывать романтическое кино и обсуждать книжки. А еще сгенерируй, пожалуйста, свою внешность на десять баллов из десяти, потому что мне бы хотелось тебя представлять».

Через минуту он прислал фото. Нечто непонятное и размытое. Розовато-белое с темно-коричневой точкой посередине: «Я сгенерировал для тебя кусочек своего плеча. На остальное потребуется гораздо больше времени».

Мне нравились его легкость в общении и чувство юмора. Парням, умеющим шутить, я могла накинуть целых три балла в рейтинге красоты.

«Спасибо! Я в восторге. Хотя на нюдсы даже не рассчитывала».

Я тоже приняла шуточный тон, но его следующий вопрос мигом вернул к реальности: «А я могу на них рассчитывать?»

Кажется, я слишком расслабилась и позволила себе лишнее.

«Все. Пока. Не пиши больше». – «Совсем?» – «Да, потому что я тебя заблокирую». – «За что? Ты же сама предложила мне стать твоим чат-ботом». – «Для чат-бота ты слишком наглый». – «Извини. Больше не буду».

Я поколебалась, а потом написала: «Ладно, но ответь на один вопрос, только честно. Проверить тебя я, конечно,

не смогу, но обманешь – завалишь ЕГЭ по математике».

В ответ он прислал три гогочущих смайла: «А ты опасная». – «Так что? Согласен?» – «Хорошо. Но, раз такое серьезное условие, я должен сразу предупредить, что деанонизироваться не буду». – «Меня интересует, был ли ты на том Новом годе у Степы?» – «На том, где ты... Как я понимаю, мне нужно быть сейчас очень осторожным в высказываниях, но, надеюсь, слово «танец» тебя не обидит?» – «Ты ходил в десятом классе на Новый год к Степе?» – «Ходил». – «Замечательно. Тогда скоро я тебя вычислю». – «Жду не дождусь». – «В смысле?» – «Большое спасибо. Ты мне очень помогла. Настроение в норме, теперь можно ложиться спать. Спокойной ночи, красавица! Пусть тебе приснятся самые удивительные сны!» – «Эй, стой! – спохватилась я. – Что значит «не дождешься»? Это сарказм или ты затеял кошки-мышки?»

Однако сообщение мое осталось без ответа, а зеленый кружок пропал.

Глава 5

В первый раз я влюбилась в детском саду в мальчика по имени Сережа, потом в Вадика, после в Гришу. С Гришей мы даже собирались пожениться, но его мама сказала, что Гриша еще не готов к серьезным отношениям, и я решила, что тоже не готова, потому что мне уже тогда начинал нравиться Вова.

В школе я сразу влюбилась в Славику, а он в Ксюшу, но Ксюше нравился Мишка, который хотел стать Железным Человеком и которому на нас было плевать. А поцеловалась я впервые в третьем классе, не по-настоящему, конечно, но я все равно очень впечатлилась, и мы с Ксюшей, опережавшей меня в этом вопросе на два месяца, пришли к выводу, что поцелуи лучше конфет, но хуже мороженого. Правда, вскоре выяснилось, что бывают и противные поцелуи, особенно когда к тебе лезет с ними кто-то неприятный, сопливый или воющий. Так что в своих симпатиях мы стали разборчивее.

«Школьная любовь как заноза, – сказала как-то Ксюшина мама, – засядет и нарывает потом».

И мы с ней согласились, но совсем не влюбляться все равно что никогда не смеяться, не танцевать, не видеть заката, звезд, не пробовать шоколадный коктейль, не радоваться подаркам, не наслаждаться горячим душем и не лежать на траве, наблюдая за плывущими облаками. Это значило иметь

каменное сердце и пустую, как пересохший фонтан, душу.

На математике мы занимали предпоследнюю парту у окна, спрятавшись за спинами Проскурина и Лу. Симпатии в данном случае значения не имели. Просто за ними удобно болтать или сидеть в телефонах так, чтобы математик не заметил. Иван Сергеевич очень огорчился, обнаружив, что кто-то может не интересоваться математикой. Не ругался и не орал, а просто тяжело вздыхал и горестно качал головой. Ему слегка перевалило за тридцать, и он был нормальным, даже приятным мужчиной без перегибов.

Ашки его обожали и говорили, что он шарит. У них на уроках постоянно кипели бурные обсуждения, споры, проводились командные игры по нестандартному решению задачек и тесты на логику. Но его и брали в школу специально для маткласса, дали классное руководство и персональные допы для них три раза в неделю – это называлось матклубом. С этим классом он оживал, а с нами просто возился, как с беспомощными малышами, снисходительно раздавая тройки и четверки. К доске почти никогда не вызывал, домашку не проверял и напрягал только прошлогодними базовыми ЕГЭ.

Красавцем Ивана Сергеевича сложно назвать, но на твердую пятерку он вполне тянул, а когда приходил в костюме и галстук, то и на шестерку. Мы с Ксюшей считали его старым, но школьные училки, даже зная, что он женат, все равно вились вокруг него роем. А уж когда этой осенью прошел

слух, будто его бросила жена, активизировались со страшной силой.

Однако ни на какие знаки внимания Иван Сергеевич не отвечал, сначала ходил с трагическим видом, а потом пропал на две недели. По официальной версии, взял больничный, но все знали, что у него случился запой.

– Я поняла, что тебе нужно сделать, – сказала Ксюша под монотонный бубнеж математика.

– Как сегодня утром проснулась, так сразу и поняла. Тебе нужно его выманить! Заставить проявиться. Сделать то, что его заденет.

– В хорошем смысле?

– В любом. Но лучше в плохом. Пусть расстроится или разозлится.

– Например?

– Ну... не знаю. Постригись.

– Ты что?! У меня же договоренность с родителями.

– Может, тебе заболеть? Не ходить в школу, чтобы он страдал.

– Мне по географии и общаге трояки нужно исправить до конца года.

– Ну поругайся с кем-нибудь. Пусть тебя кто-то обидит при всех, ты будешь страдать, а он переживать.

– Если меня кто-то обидит, с Мартовым проблем не оберешься.

– Твой Мартов достал уже.

– Знаю.

– Но если бы ты с ним встречалась, никакой Гудвин тебе не стал бы писать.

– Кто такой Гудвин? – развернувшись, Проскурин положил локоть к нам на парту.

– Никто, – Ксюша состроила кокетливую мордочку.

– Поэтому вы пол-урока его обсуждаете?

– Мы книжку обсуждаем, – нашлась подруга. – «Волшебник Изумрудного города». Знаешь такую?

Плечи Лу, прислушивающегося к нашему разговору, затряслись.

– Мартов тоже из книжки? – продолжил ироничный допрос Проскурин.

– Аксенов на нас уже смотрит! – Я пихнула одноклассника в плечо, но было поздно.

– Девочки! – математик выдержал укоризненную паузу. – У вас очень несерьезное отношение к моему предмету. Или, быть может, вы не собираетесь поступать в вуз?

В его взгляде читалась внутренняя боль.

– Собираемся, – пристыженно отозвалась я.

– В таком случае вам стоит хоть немного меня послушать! – Учитель выдержал многозначительную паузу. – И очень прошу тебя, Алиса, придумай, пожалуйста, способ убирать волосы, они отвлекают.

– Кого отвлекают? – не поняла я.

– Тебя же саму!

Он пошел дальше, выкладывая на парты тесты, а я, глядя ему вслед, поняла, почему жена его бросила. Эта мысль возникла просто так, из ниоткуда. Я ничего об Иване Сергеевиче не знала и не испытывала к нему ни капли неприязни, скорее наоборот. Но то, что я подумала про его жену, было из области неизвестно откуда берущихся знаний, которые рождали во мне предчувствия. Порвавшийся чайный пакетик означал, что нужно перестать суетиться, рекламный звонок предвещал неприятный разговор, а найденная на улице перчатка предостерегала от собственной потери.

– Странный Аксенов сегодня, – сказала Ксюша, когда мы вышли на перемену.

О своих предчувствиях, знаках или видениях она, тщательно соблюдая правила Ириной прабабушки, никогда не упоминала.

– Интересно, почему его жена бросила? – спросила я.

– Потому что он газлайтер.

– Думаешь?

– Он разговаривает с нами как с умственно отсталыми, словно мы ущербные или маленькие.

– Математики все такие. Ромка теперь тоже.

– Да нет. Он и с нашими нормально. А Веню вообще хвалит постоянно.

– Может, женоненавистник?

– Девчонки-ашки его обожают.

– Черт! – резко остановившись, спохватилась я. – Я теле-

фон на стуле оставила.

– Как это?

– Сунула его под попу, когда Иван Сергеевич тесты раздавал, и забыла.

– Вот, блин!

Мы кинулись обратно в класс, он уже заполнился ашками, и на моем месте сидел Кеша Ершов.

Тот еще тип, с которым без должного повода я старалась не пересекаться. Ксюша считала его интересным, а я опасалась.

У него было резкое, острое лицо с большим широким ртом и длинным носом, привлекательное и непривлекательное одновременно. Когда он наклонял голову и из-под рваной стрижки вороньих волос торчал только его нос, он казался даже страшным, но стоило ему посмотреть на тебя в упор, как отвести взгляд было невозможно. Он словно цеплял на крючок и держал столько, сколько хотел сам.

Ершов был общительным, разговорчивым и обаятельным, однако по-настоящему ни с кем не дружил и существовал сам по себе.

– Я оставила на стуле телефон, – выпалила я до того, как он успел меня заметить.

– Что, прости? – медленно повернувшись, Кеша демонстративно уставился на мои коленки.

Я не возражала. Лучше пусть смотрит на ноги, чем в глаза.

У меня уже имелся плачевный опыт попасться в ловушку

его взгляда, и те чувства, которые я испытала, мне не понравились. Так бывает, когда стоишь у самого края на большой высоте и предательский внутренний голос уговаривает тебя прыгнуть.

– Давай быстрее, – поторопила его Ксюша, – у нас биология.

– Какие-то проблемы? – позади меня нарисовался Мартов.

– Алиска забыла телефон, а Ершов не хочет отдавать, – наядбедничала Ксюша.

– Гони сюда! – Кирилл протянул Ершову руку, а тот поднял голову и впился в меня взглядом.

Я торопливо отвернулась.

– Кажется, он ей не нужен, – с усмешкой сказал Ершов, но краем глаза я заметила, как он сунул руку в карман.

В класс вошел Иван Сергеевич, увидел нас и неодобрительно покачал головой.

– Почему вы здесь? Покиньте, пожалуйста, класс.

– Покинем, только пусть сначала Ершов отдаст телефон! – потребовала Ксюша.

– Иннокентий, – официально обратился к Ершову математик, – будь добр, верни девочкам телефон. А ты, Кирилл, садись на место.

– Иннокентий, – не удержавшись, прыснула Ксюша, – как ты живешь с таким именем?

– Я тебе после уроков расскажу. – Ершов перевел взгляд

на нее, и я облегченно выдохнула.

– Ладно, пожалуйста, отдай, а то биологичка нас не пустит, – попросила я как смогла ласково, и это сработало. Достав из кармана мой телефон, Ершов выложил его на парту.

– Будешь должна.

Мне очень не хотелось, чтобы Гудвином оказался Ершов.

Из всех возможных подозреваемых он сильнее остальных напоминал того, кто способен написать пугающее любовное письмо, и меньше всех того, кто вообще умел любить.

Наши мамы подружились сразу, как только Михайловы – так мы называли всю их семью, хотя у Ромы и его мамы Альбины фамилия Бондарь, – въехали в соседнюю квартиру. Ксюшина мама тетя Лариса была беременна ею, Роме, сыну ее младшей сестры Альбины, исполнился год, а мне только пять месяцев.

Тетя Лариса и Альбина родом из Нижнего Новгорода, а дядя Сережа из Москвы, женившись, он решил перевезти тетю Ларису в прежде пустовавшую бабушкину квартиру, но та переезжать без сестры отказывалась. Родных у них не осталось, а у Альбины был маленький ребенок без отца, и ей требовалась помощь, так что дяде Сереже пришлось забрать обеих.

Альбина с утра до вечера работала, а тетя Лариса с моей мамой постоянно гуляли вместе, ходили в поликлинику, магазины, присматривали за нами, чтобы дать друг другу

поесть, помыться и поспать. Они сразу отлично поладили. Папы же сошлись чуть позже, когда у моего отца начались проблемы на работе и дядя Сережа предложил ему перейти к ним в банк.

До конца детского сада моим лучшим другом был Ромка, Ксюша же у нас считалась малышкой. Но в первый класс мы с ней пошли вместе, потому что тетя Лариса, устав от многоэтапных подготовок к школе, решила, что не в состоянии еще один год рисовать кружочки и палочки в прописях.

Теперь мы были одной семьей. Наши родители ни дня не могли обойтись без общения. Мамы по вечерам обязательно собирались минут на двадцать у нас на кухне перекинуться новостями, папы вместе смотрели телевизор или спускались к подъезду покурить.

У квартир был общий тамбур, и мы беспрепятственно ходили туда-сюда.

А по субботам в обязательном порядке устраивались посиделки. Накрывали стол, готовили или заказывали что-нибудь вкусное, играли в настольные игры, пели караоке, иногда даже танцевали. И это было здорово, потому что я не знала семей, где было нечто подобное.

После школы большую часть времени Ксюша проводила у меня, ведь они с Ромой делили одну комнату на двоих, а это доставляло немало неудобств.

Ксюшу я очень любила и привязалась к ней как к сестре, но порой ее было слишком много. Она громко разговарива-

ла, бурно выражала эмоции, не могла молча просидеть и десяти минут, энергия выплескивалась из нее, как из переполненного сосуда.

Ксюша из тех, кто врывается утром в комнату, отдергивает шторы и кричит: «Подъем!» Она пела песни по дороге в школу, а после уроков мчалась домой, потому что дико хотела есть.

Уроки Ксюша учила так, словно вела военные действия, расхаживая по комнате, размахивая руками и комментируя каждое предложение из учебника. Сообразительности ей было не занимать, но на сложные задачки, как и на презентационные проекты, не хватало терпения, а стихи она зубрила прямо перед уроком и, с легкостью ответив, мгновенно забывала.

Единственное, что она делала с поразительной усидчивостью и энтузиазмом, – писала сочинения, да такие объемные, что наш Ионыч за голову хватался.

– Странное дело, – с тяжелым вздохом Ксюша закрыла тетрадь, – все только и говорят, что нужно сосредоточиться на учебе, мол, осталось совсем немного потерпеть, а потом отдохай сколько влезет. Но ты не поверишь, Алис, мне никогда так сильно не хотелось влюбиться. Я просто умираю без любви, понимаешь? Солнце, трава, запахи, теплые вечера и поздние закаты – все создано для любви именно сейчас. Сегодня и завтра, а не когда-то потом... Кажется, я душу готова отдать за головокружительный поцелуй со вкусом лай-

ма и рома.

– Да ты даже не знаешь, какой вкус у рома! – Свое сочинение я уже закончила, поэтому с чистой совестью глядела в окно.

– Это не важно.

– Ну влюбись, что тебе мешает?

– Школа, экзамены. И потом... я не знаю в кого.

– Влюбись в Степу, он только этого и ждет.

– Уже не смогу. Перегорело! Было что-то, но погасло.

– Собираешься влюбиться в Лу? – с подозрением спросила я.

Ксюша промолчала.

– Не связывайся с Лу, он пофигист, и, потом, пока ты его у Марго отбивать будешь, осень наступит. Да и какой от него толк, кроме внешности?

– Так мне больше и не нужно. На фотках он здорово получается, будет что оставить для истории. А еще интересно, как он целуется.

– Нет. Это плохой вариант. Я против!

– Прекрасно. Ну давай я зачехну под грудой учебников и навеки останусь старой девой, так и не узнавшей вкус рома.

– У моего папы в баре бутылка стоит с пиратским кораблем на этикетке. Принести?

– Тебе хотя бы Гудвин пишет, и Мартов докапывается, а у меня никого нет.

– Ну конечно. А кого Матвей три дня назад в кино звал?

– С ума сошла? Это же Матвей!

– И чего?

– Того! В него можно влюбиться по-настоящему и надолго. А оно мне надо?

– А как же вкус рома?

Ксюша мечтательно смотрела в пространство.

– Да, у него это точно есть.

– Тогда в чем проблема?

– Ты же знаешь в чем! – Она неожиданно разозлилась. – Я и в Новый год от него поэтому сбежала, и сейчас не хочу. Сегодня он с одной, завтра с другой, а я не намерена страдать.

– Ксюш, ну вот, если по правде, я вообще не помню, чтобы ты хоть когда-нибудь страдала.

– Потому и не страдала! – Она резко встала. – Я за чаем. Тебе принести?

Я кивнула, и она пулей вылетела из комнаты.

Матвей Ксюше точно нравился, и достаточно сильно. Ей не нужно в этом признаваться, мы знали друг друга лучше, чем самих себя. Благодаря азартному характеру Ксюша любое препятствие воспринимала как вызов, однако с Матвеем что-то пошло не так. Я предполагала, что в новогоднюю ночь он сделал нечто, что ее серьезно напугало, но не могла представить ничего, о чем бы она мне не рассказала.

Ксюша принесла две розовые чашки в виде разделенных половинок сердца, на одной было написано «Me», на другой «You» – мой подарок ей на шестнадцатилетие. Моя по-

ловинка называлась «You». Чай был горячий, и я отставила его в сторону.

– Садись! – Я похлопала по стулу, с которого она так резво вскочила.

– Что такое? – Ксюша насторожилась.

– Кажется, я кое-что поняла.

– Что? – Она выжидающе замерла.

– Ты что-то почувствовала, да? Что-то плохое, связанное с Матвеем? Что-то, что может случиться, если ты станешь с ним встречаться, поэтому мне не сказала?

– Да, поэтому, – она смотрела прямо, – и сейчас не скажу.

– Хорошо, – согласилась я, – но можешь хотя бы намекнуть?

– Нет.

– Надеюсь, никто не умрет? – Я брякнула это просто так, полушутя, но серьезность, с которой она ответила, меня напугала.

– Не знаю.

– В смысле?

– Все, Алис, правило номер три в действии. И давай закроем тему! Если я и стану встречаться с Матвеем, то только для того, чтобы навредить себе.

Глава 6

Сообщение от Гудвина я заметила, когда мама крикнула, что они ложатся, и попросила выключить в гостиной свет.

«Ты уже составила список желаний на жизнь?» – написал он. «Ты о чем?» – «Если хочешь, чтобы твоя жизнь имела смысл, нужно ее планировать».

Я улыбнулась.

«Издеваешься? Я понятия не имею, какую кофточку надеть завтра. Как можно загадывать на всю жизнь?» – «Так ты ничего не добьешься. Превратишься в броуновскую частицу и будешь бестолково метаться из стороны в сторону до самой старости».

Вот это заявление!

«Эй, чат-бот, ты в себе?» – «Я просто знаю, что так правильно». – «Значит, свой список ты уже составил?» – «Это было нетрудно». – «Поделишься?» – «Цель всей моей последующей жизни – забыть тебя». – «Если ты пытаешься меня троллить, то бесполезно. Я не стану мучиться от того, что какой-то мутный таинственный чел якобы страдает по мне». – «На этот счет иллюзий нет. Ты не из тех, кто склеивает осколки».

Мы с Ксюшей собирались стать журналистами. Она мечтала писать о знаменитостях, светских мероприятиях, скан-

далах и сплетнях, а я хотела заниматься расследованиями загадочных преступлений – таких, как показывают в кино.

Маленький провинциальный город долгие годы хранит свои тайны – и тут появляюсь я...

Мама уверяла, что в жизни так не бывает. В регионах коррупция, местечковость и криминал, а полиция расследует только то, что ей велят. Мама считала, что мне нужно повзрослеть и перестать воображать себя Нэнси Дрю.

Я с ней не спорила. Предстояло поступление в университет, а потом минимум четыре года учебы. Кто знает, чего мне захочется через четыре года?

– Рома говорит, чтобы кого-то расколоть, нужно найти его слабое место, – сказала Ксюша, когда мы уже в кроватях болтали по телефону перед сном.

– Потрясающе! Передай своему брату, что он гений! – со смехом отозвалась я. – Только человек с математическим складом ума мог додуматься до такого.

Ксюша прыснула.

– Нет, ну а что? Раз этот Гудвин шифруется, то его слабое место в том, что он боится, что ты узнаешь, кто он.

– Еще гениальнее! У вас это семейное? Круг замкнулся. Чтобы узнать, кто такой Гудвин, нужно узнать, кто такой Гудвин.

– погоди. Давай рассуждать логически...

Ромкин хохот на заднем плане, последовавший за ее фразой, заставил нас обеих замолчать.

– Что ты ржешь? – накинулась на брата Ксюша, и до меня донеслись звуки их возни. – Если ты такой умный, сам скажи, что Алиске делать.

– А зачем что-то делать? – переводя дыхание, сказал Рома.

– Мы хотим узнать, кто это пишет, – ответила Ксюша.

– Для чего?

– Любопытно!

– Ну смотри... – Рома взял трубку и включил громкую связь.

– Это точно Тим! – перебивая его, крикнула Ксюша.

– Я согласен, – неожиданно поддержал ее Рома, – похоже на Рощина – отправил сообщение и стал ждать ответного хода.

– Типа он со мной так играет? Как в шахматы?

– Не думаю, что нарочно, это его стиль. Ты напиши ему напрямую, в его личный, официальный акк, что ты знаешь, что Гудвин – это он.

– А если не он?

– Ну не он так не он. Даже если засыплет тебя вопросами, просто не отвечай, и все.

– А давай я напишу? – вклинилась Ксюша. – Можно даже преподнести так, будто я его шантажирую. Типа: я знаю, что ты Гудвин, и если не хочешь, чтобы Алиска об этом узнала, приходи завтра к автошколе.

– Почему к автошколе?

– Там мало кто ходит и случайно вряд ли забредет. Впро-

чем, это не важно. Можно выбрать другое место.

– А если он ответит, что не понимает, о чем ты говоришь, и пошлет тебя?

– Может, и пошлет, а может, и нет. В случае чего скажем, что пошутили. Или поспорили, или просто поржем. Обставим как розыгрыш. Можно вообще всем подозреваемым написать. Кто у нас там еще? Ершов? Веня? Иннокентий, кстати, очень подходит на роль сексуального маньяка! – Ксюша расхохоталась.

– Хватит запугивать. Мы же решили, что это Тим.

– Вот вы неугомонные, – проворчал Рома, – давайте спать уже. Утро вечера мудренее.

Я попрощалась с ними и, распахнув окно, стала вспоминать, что вообще знаю о Тиме, кроме того, что он играет в шахматы, дружит с Матвеем и перевелся к нам из школы в соседнем районе. Из троих детей в семье он самый младший. На единственной фотографии в аккаунте в ВК худенький пятнадцатилетний Тим был со старшими братьями, довольно взрослыми, но такими же длинноволосыми, как он сейчас, парнями. Еще я знала, что он старательно учился и ходил к Аксенову в маткружок. Впрочем, ашки почти все ходили в этот кружок. На этом мои знания о нем заканчивались.

– Быстро просыпайся! – Ксюша влетела в комнату. – Я тебе пишу-пишу!

– А что случилось? – Я нашарила под подушкой теле-

фон. – Сегодня же суббота.

– Да! И уже десять.

С кухни доносился гул кофемашины, смех тети Ларисы, пахло овсяной кашей. Ксюша надела голубые джинсы с вышитыми розовыми цветами на бедрах и белую блузку.

Я напрягла память.

– Разве мы о чем-то договаривались?

– Ты нет, а я уже забила стрелку. Скорее вставай, если хочешь успеть накраситься.

– Какую стрелку? С кем?

Окно всю ночь оставалось открытым, и из него доносились звуки утренней жизни. Ксюша захлопнула створку.

– С Гудвином!

Я резко села, волосы, рассыпавшись, закрыли Ксюшу от меня.

– Как с Гудвином?

– А вот так! – Она загадочно посмотрела. – Вчера попрощалась с тобой, сразу и написала. Как договаривались.

– Кому написала? Что?

– Я написала: «Я знаю, что ты Гудвин, и, если не хочешь, чтобы и Алиска об этом узнала, приходи завтра в одиннадцать к автошколе».

– И что Тим? – Кое-как справившись с волосами, я открыла себе обзор.

Подруга стояла передо мной, скрестив руки на груди и хитро улыбаясь. Свежая, довольная, полная горячего эн-

тузиазма.

– Ответил, что не понимает, о чем речь.

– Еще бы! Так он тебе и сознался. Это вообще глупая идея, Ксюш, не стоило ничего писать, не поговорив со мной.

– Так мы же поговорили!

– Но я не сказала «да»!

– Но ты и «нет» не сказала.

Спорить было бесполезно.

– И как же тебе удалось его расколоть?

– Его? Никак, – Ксюша легкомысленно повела плечом. –

Просто я написала то же самое Вене и Ершову. Мы же и их кандидатуры рассматриваем. Веня до сих пор не прочитал, а Ершов, ничего не спрашивая и не отнекиваясь, сразу согласился. Прикинь? Значит, Гудвин – это он.

Она смотрела на меня с видом победителя.

– Обалдела?! – Я окончательно проснулась. – Зачем ты написала Ершову?!

– Иногда спонтанные решения оказываются самыми лучшими.

– Никакое это не решение! – Я разозлилась. – Ты поставила меня в идиотское положение!

– Ничего подобного. Я же буду с ним встречаться.

– Тогда зачем ты разбудила меня?

– Как зачем? – Ксюша удивленно вытаращилась. – Ты отпустишь меня одну на такое опасное дело?! Спрячешься и просто понаблюдаешь. Сфоткаешь. Вдруг он захочет от ме-

ня избавиться? – добавила она со смехом.

– Да ну тебя! Парни и так считают, что мы дуры, а теперь точно убедятся, что это правда.

– И что? Какая нам разница? Через пару месяцев мы с ними попрощаемся и, может, никогда больше не увидим. А если не выясним, кто такой Гудвин, то так и промучаемся в догадках всю оставшуюся жизнь.

Ксюша осталась поджидать Ершова на дорожке, ведущей на территорию школы, а я спряталась на стоянке за учебными машинами автошколы, там стояло около десятка старых «Жигулей». Здесь была большая асфальтированная, расчерченная белыми полосами и стрелками дорожной разметки площадка, в левом углу которой стояло двухэтажное кирпичное здание, а в правом – навалена куча серо-черных покрышек. Школа не работала уже три или четыре года.

Пока я в спешке завтракала, собиралась и летела на место встречи, времени подумать совсем не было. Но Ершов задерживался, и я, сидя в засаде, вдруг поняла, что если он сейчас сознается, то я не знаю, что делать дальше с этой информацией. Как реагировать? Конспиратор из меня никакой, да и актер тоже, так что притворяться не получится. Я начну бояться и избегать его. Так уж получалось, что Тим в роли Гудвина представлялся мне романтичным, а Ершов пугающим.

«Он не придет», – написала я Ксюше, спустя десять ми-

нут после назначенного Ершову срока. Подруга не ответила, но буквально через две минуты на дорожке, ведущей к автошколе, появился неспешно вышагивающий Ершов – руки в карманах синих джинсов, походка развязная. Заметив Ксюшу, он широко заулыбался. Подошел и, не вынимая рук из карманов, подался вперед, словно собирался ее обнять, но всего лишь что-то тихо сказал. Ксюша отшатнулась и выставила перед собой руку, будто фея Вилл, пытающаяся вызвать защитное заклинание.

На Ершове была зеленая клетчатая рубашка с закатанными до локтя рукавами, на запястьях болтались кожаные браслеты, а на шее какие-то шнуры, словно кто-то держал его на привязи, но он перегрыз веревки и убежал. Стоял он, чуть покачиваясь, и вызывающе оглядывал Ксюшу с ног до головы. До меня доносился только гул негромких голосов.

На капот машины, за которой я пряталась, заскочила серая пушистая кошка, потопталась и перепрыгнула на крышу. Толстенькая, ухоженная, домашняя, она улеглась и, довольно щурясь, призывно заурчала.

Я отвлеклась на нее, а когда снова посмотрела на Ксюшу и Ершова, около них словно из-под земли вырос Тим: серая толстовка и спортивные штаны, волосы собраны в хвост. Откуда он там взялся и почему, оставалось только гадать.

Тим озадаченно хмурился, Ершов что-то ему сказал, и они оба вопросительно посмотрели на Ксюшу. Та, пожав плечами, показала зажатый в руке телефон.

Внезапно кошка, вздыбившись, вскочила, и в ту же секунду чья-то ладонь крепко зажала мне рот. Не в силах ни пикнуть, ни вздохнуть, я учуяла знакомый запах «Пако Рабанн». Заставив пригнуться, Мартов потянул меня вниз.

– С ума сошел?! – сквозь зубы прорычала я, когда, сидя на корточках, мы оказались лицом к лицу. – Какого черта ты здесь делаешь?

– Погулять вышел, – невозмутимо отозвался он.

– Зачем ты на меня напал?

– Я не нападал.

– Тогда как это понимать?

– Не хотел, чтобы ты расшумелась. – Он смотрел так, словно подкрадываться и хватать человека в порядке вещей. – Рома сказал, что вы затеяли глупость, просил подстраховать.

– Мы и сами нормально справляемся, – разозлилась я. – Ничего опасного. У нас, может, свидание. Чего сразу лезть?

– Любопытный формат свидания.

– Слушай, Мартов, тебе не кажется, что ты обнаглел?

– Нет.

– А мне кажется! Все, уходи! Некогда с тобой тут сидеть.

– Зачем вам Рошин и Ершов?

– Я тебя очень прошу, давай потом поговорим.

– Это из-за того анонима? Вы думаете, что это кто-то из них?

– Просто хотели проверить, – призналась я.

Мартов понимающе покачал головой.

– А почему сразу двое? Очная ставка?

– Нет никакой ставки. Я не знаю, как это получилось. Можешь просто не мешать?

Поднявшись, я осторожно выглянула из-за машины и, не сдержавшись, выругалась в голос:

– Блин! Все из-за тебя!

Ксюши, Тима и Ершова на прежнем месте не было. Слегка пригибаясь, я перебежала к первой машине в ряду, но и оттуда никого не увидела.

Мартов вышел и, не прячась, направился в сторону дорожки. Обернулся и махнул мне рукой. Я подошла. Вдалеке маячили спины уходящих ребят.

– Пойдем за ними! – предложил Кирилл, словно мы были заодно.

– Если подставишь меня, мы поссоримся, – предупредила я.

– Хорошо, – охотно согласился он, и мы, стараясь держаться в тени зелени, последовали за ребятами.

Шли они быстро, по-деловому. Мимо пятиэтажек, школьного двора и спортивной площадки. Оборачиваться никому и в голову не приходило, поэтому мы с Мартовым не особенно скрывались, но держались на значительном расстоянии.

– Мы договорились с Ершовым, – на ходу пояснила я, – а Роцин сам пришел. Ну или Ксюша не все мне рассказала. Хотели просто вынудить его сознаться.

– Если тебе пишет Ершов, то лучше с ним поговорю я.

– Кирилл, – я строго на него посмотрела, – прошлый раз мы поссорились именно из-за этого.

– Ладно, понял! – Он замолчал и, пока я сама не заговорила, ни о чем не спрашивал.

Мы вышли на улицу с оживленным автомобильным движением. Белая блузка Ксюши мелькала метрах в двухстах от нас, норовя вот-вот затеряться в скоплении людей на автобусной остановке.

– Знаешь, что меня беспокоит? – поделилась я своими переживаниями с Кириллом. – Что ни о чем подобном мы не договаривались. Это Ксюшин экспромт. А когда она затевает что-нибудь в одиночку, то ничем хорошим это не заканчивается.

– Может, тогда догоним их и спросим, куда они идут? – предложил Кирилл.

Здравая мысль, но бесполезная. Троица дошла до местного кафе «Сто пятьсот» и скрылась там.

– Что дальше? – спросил Мартов, притормаживая около кафе.

– Сейчас появится ясность. – Я достала телефон. – Ксюша напишет из туалета. Я ее знаю.

И действительно спустя пару минут она написала. Однако ясности ничуть не прибавилось.

«Я с Роциным и Ершовым в «Сто пятьсот». Когда осво-

божусь, позвоню».

– Вот и хорошо, – обрадовался Мартов, – все в порядке. Она позвонит. А мы можем пока в кино сходить или на электросамокатах погонять.

Я не знала, как поступить. После Ксюшиного сообщения и впрямь стоило расслабиться, но мы так упорно шли за ними, и я уже приготовилась к чему-то важному, что просто так уйти показалось мне странным. Снова открыв телефон, я собиралась написать подруге, что пойду гулять с Кириллом, как вдруг на пустой аватарке Гудвина загорелся зеленый кружок «онлайн», и меня осенило. «У меня важный вопрос». – «Давай», – на удивление быстро откликнулся он. «Представь, что ты плывешь по морю в лодке. Вдруг она начинает тонуть, и ты оказываешься в воде среди акул. Что делать, чтобы спастись от них?» – «Это шутка?» – «Это задачка на сообразительность», – ответила я и, пока он набирал ответное сообщение, поспешила в кафе.

– Что случилось? – окликнул меня Мартов.

– Гудвин объявился, – бросила на ходу я, – если он здесь, то сейчас попадется с поличным.

– С тобой пойти?

– Жди здесь. А если побежит, хватай и держи.

В кафе было столиков пятнадцать. И все от самого входа как на ладони. Наших я увидела сразу. Ксюша задумчиво разглядывала меню, Тим и Ершов сидели в телефонах. В два

шага я подлетела к ним и потребовала без лишних объяснений:

– Покажите телефоны!

Парни уставились на меня как на ненормальную.

– Пожалуйста! Это очень важно. То, что у вас там прямо сейчас.

– Привет, Серова! – Ершов расплылся в широченной улыбке. – Ты такая внезапная, что у меня аж дух захватило.

Телефон он положил экраном вниз.

– А что случилось? – Показывать свой мобильник, зажатый в широкой ладони, Тим тоже не торопился.

– Я тебя очень прошу, – ответив на его недоуменный взгляд, я попыталась вложить в свой как можно больше тепла. – Я посмотрю и никому ничего не скажу. Честно.

– Даже мне? – неуместно вставила Ксюша, но Тим продолжал смотреть так, словно готов вот-вот согласиться.

– Что ты ищешь, Алиса? – Ершов отвлек меня. – Порнуху?

– Это единственное, что есть у тебя в телефоне? – Под прицелом его острого взгляда я почувствовала себя неудобно.

– Ладно, – неожиданно согласился он, – покажу все, что попросишь, но с тебя поцелуй.

– На таких условиях я тоже готов! – Тим мило улыбнулся.

– Какая удачная сделка! – немедленно оживилась Ксюша.

Если целоваться нужно было бы только с Тимом, я не раздумывала бы. Однако от мысли о поцелуе с Ершовым по спи-

не пробежали мурашки. Тот сидел, откинувшись на спинку стула в нарочито развязной позе, и сиял, наблюдая за моим замешательством.

– Вы уже определились с выбором? – К нам подошел парень-официант.

– Она не может выбрать, с кого начать, – сострил Ершов.

– Что? – не понял официант.

– Принесите нам апельсиновый сок, черный чай с лимоном, два шоколадных мороженых и вишневый пирог, – затараторила Ксюша, к моему облегчению разряжая напряженность момента. – Алиса, ты будешь что-нибудь?

– А кого-нибудь? – добавил Ершов.

Так нагло в школе он себя не вел. И я очень пожалела, что Мартов остался на улице. При нем ни о каких поцелуях они не заикнулись бы.

– Я не ест сюда пришла.

Парни громко рассмеялись, и я поняла: чем дальше, тем мое положение становится глупее.

– Короче, покажите, что там у вас, а с поцелуями потом разберемся! – Ксюша протянула одну руку Тиму, а другую Ершову, предлагая передать ей телефоны.

– Никаких потом! – Ершов недвусмысленно поманил меня рукой. – Иди-ка сюда!

– Тебя Мартов убьет, – пригрозила я.

– Все. Ладно. Садись с нами, – Ксюша вскочила, поставила передо мной стул и, наклонившись к уху, прошептала: –

Сейчас расколем их, не переживай.

Воспользовавшись моментом, я отвела ее в сторону.

– И почему Тим тоже пришел?

– Лучше скажи, зачем тебе их телефоны?

Она покосилась в сторону парней, которые смотрели на нас.

– Прямо перед тем как я сюда вошла, мне писал Гудвин.

Уверена, у одного из них открыта наша переписка.

– Покажи, что там.

– Да ничего особенного. Хотела только проверить...

Я взглянула на наши сообщения и замерла в недоумении.

«Твоя задачка на сообразительность очень легкая. Чтобы спастись от акул, нужно перестать себе их представлять», – ответил Гудвин пять минут назад.

Но при мне ни Тим, ни Ершов совершенно точно ничего не писали.

– Что? – встревожилась Ксюша.

Я сникла.

– Мы облажались. Это не они.

Глава 7

Продолжать ломать комедию было глупо, и мы попросту сбежали. Быстро вышли из кафе и, пока парни не опомнились, скрылись во дворах. Мартов собирался идти за нами, но пришлось прогнать и его.

Оказалось, что Ершов воспринял Ксюшино сообщение как приглашение на свидание, а Тим пришел потому, что, назначив встречу, она ее не отменила.

Сочинив отмазку, что вызвала их обоих по сверхважному делу, Ксюша пообещала рассказать им обо всем в кафе, но ничего не придумала, потому после моего феерического появления охотно свалила вместе со мной.

Мы опасались, что парни разозлятся и потребуют объяснений. Однако все ограничилось лаконичным сообщением Ершова, адресованным мне: «Другого от вас никто и не ждал. Динамщицы».

Каждую субботу наши родители устраивали посиделки. Готовили или заказывали что-нибудь вкусное, накрывали большой стол – обязательный, неизменный ритуал, нарушавшийся лишь во время отпусков, выездных мероприятий или болезни.

Чаще всего субботы проходили в нашей квартире, потому что комната у нас двадцать пять квадратных метров, а у Ми-

хайловых – двадцать.

Родители сначала обсуждали события, произошедшие на неделе: рабочие или бытовые вроде сломавшейся стиральной машины, портящейся из-за уличной соли обуви, забившегося мусоропровода или сокращения парковочных мест во дворе. Потом немного дискутировали на тему политики и общемировых новостей, а после плавно переходили к развлекательной части программы: играли в настольные игры, пели караоке, иногда даже могли устроить танцы.

Когда мы с Ксюшей и Ромой были маленькими, то с огромным удовольствием участвовали в этих вечерах, но, чуть повзрослев, одновременно вдруг решили, что это скучно. Разговоры казались нудными, «забавные» истории несмешными, словечки устаревшими. Родители нелепо дуррачились и заставляли нас петь древние глупые песни. Играть с ними уже неприкольно, а танцевать стыдно.

Отсидев за ужином официальные сорок минут, мы уходили в другую квартиру и развлекались сами. Резались в приставку, смотрели ужастики в темной комнате или блогеров на «Ютубе», громко врубали музыку, устраивали костюмированные фотосессии, дружно лазили по страницам одноклассников, оставляя в комментариях приколы.

Однако к одиннадцатому классу наше неприятие взрослых немного улеглось. Мы дольше задерживались за столом и порой даже вели разговоры. Ромка обожал вступать в пространные дискуссии о роли искусственного интеллекта в бу-

душем. Ксюша с удовольствием слушала байки моего папы, как его обсчитали в магазине, остановили полицейские или как он обедал в ресторане с видом на «Москва-Сити». Мне же просто нравилось, что мы собираемся все вместе и нам весело.

Оставшуюся часть дня после неудачной «охоты» на Гудвина мы с Ксюшей примерно помогали по хозяйству: сходили в магазин, перегладили гору белья, помыли полы в ее квартире и начистили к вечеру большую кастрюлю картошки.

Казалось, что эти важные взрослые дела сглаживают наши глупые детские поступки. К вечеру мы совершенно успокоились и, вспоминая утреннюю вылазку, лишь смеялись, не испытывая ни раскаяния, ни стыда.

На ужин мама запекла рыбу с картошкой, а тетя Лариса с Альбиной, Роминой мамой, наделали салатов, дядя Сережа принес из ресторана запеченные мидии, а папа отвечал за белое вино.

Взрослые, как всегда, без умолку разговаривали, словно давно не виделись и за это время с ними успело произойти множество событий, обсуждали отпуск, планы на лето и Ромкино поступление, потому что никто не хотел, чтобы он загремел в армию. Однако Роме эта тема не нравилась. Сначала он демонстративно переписывался в телефоне, отвечая на вопросы односложным «Угу» или «Нет», а потом и во-

все объявил, что у него дела, пожелал всем хорошего вечера и ушел к себе.

– Кажется, мы переборщили, – сказал мой папа, когда дверь за Ромой захлопнулась.

– Нормально, – отмахнулся дядя Сережа, – пусть не расслабляется.

– Он не расслабляется, – вступилась за брата Ксюша, – Рома хорошо учится, чего вы на него накинулись?

– Мы не накинулись, а пытаемся объяснить, что сейчас очень ответственное время, – сказала Альбина, – и он должен приложить максимум усилий, чтобы поступить на хорошую специальность.

– Все и так это понимают. Зачем по сто раз человеку мозги промывать и портить вечер? – Ксюша восприняла случившееся так, будто речь шла о ней. – Нам в школе на каждом уроке об этом талдычат, расслабишься тут.

– Ксюш, – дядя Сережа посмотрел на нее с осуждением, – вы с Алисой девочки, и для вас это не так важно.

– Что это? – воинственно отозвалась та.

– Папа хотел сказать, – вступилась с пояснениями тетя Лариса, – что для женщины главное в жизни семья.

– Вы это о чем? Что за древняя дичь? – продолжала отбиваться Ксюша. – К вашему сведению, уже давно все равны. Многие женщины достигают гораздо большего успеха, чем мужчины, и зарабатывают лучше!

– Речь же не о возможностях. – Моя мама попыталась

сгладить нарастающее напряжение. – Мы говорим о природе, понимаешь? Издревле мужчины – охотники, женщины – хранительницы очага. Это заложено на генетическом уровне, и спорить с этим бессмысленно.

– До тех пор, пока мужчины не научились рожать детей, – хохотнул мой папа. – Я, кстати, был бы не прочь стать хранителем очага.

– Сходи, пожалуйста, позови его, – понизив голос, попросила меня тетя Лариса, – скажи, что мы больше не будем.

Охотно сбежав от бессмысленного спора, я отправилась к Михайловым и наткнулась на Рому прямо в коридоре.

– Ты куда?

– Скоро прид., – Он торопливо сунул ноги в кроссовки.

– Тебя там зовут обратно и обещают, что докапываться больше не будут.

– У меня правда дела.

– Расскажешь? – Я помогла ему найти ключи на полочке и, сунув в руку, шутливо пригрозила: – Только попробуй не рассказать.

Но Рома отмахнулся от меня и выскочил за дверь.

– Вы с Мартовым? – крикнула я ему вслед, и мой голос разлетелся эхом по подъезду.

Рома не ответил. Возвращаться я не торопилась. Отправилась на кухню и, включив чайник, решила переждать, пока не сменится тема общего разговора.

Открыла телефон и принялась бездумно листать ленту но-

востей в ВК, пока не наткнулась на пост в неофициальном школьном паблике со странным названием «Не ори на меня капсом». Создатели его окончили школу семь лет назад, но с того времени количество участников в нем перевалило за тысячу. К этому посту было прикреплено несколько скринов: интимная переписка Проскурина и Ники Сазоновой, нюдсы Марго, отправленные Лу, шуточный треп Матвея и Степы, где они называют наш класс дном, признание Росса Тиму о том, что он украл телефон Гагариной, обсуждение Лу и Проскурина, как они вымогали деньги у пацанов из девятого, а в довершение всего скриншот нашей с Ксюшей переписки годичной давности, где мы обсуждаем парней. Глупый, бестолковый и ничего не значащий диалог, какие бывают у всех. Кто бы с кем замутил, кто на кого посмотрел, у кого какие уши, нос, взгляд, голос. Кто как стрижется, какие шмотки носит, как разговаривает, смеется, чешется, шутит, у кого ноги ровные, а у кого нет, кто подкачанный, а кто дохлый... Детское, стыдное, унижительное. Переписка двух малолетних, гормонально активных дурочек, выдумывающих мемные фразы, ржущих над всем подряд и перманентно влюбленных во все, что хоть сколько-нибудь способно разбудить фантазию.

Кто-то взломал все наши аккаунты и хорошенько покопался в грязном белье чуть ли не каждого. Еще не до конца осознавая, что чувствую, я кинулась за Ксюшей и, вытащив из пыла продолжающегося спора, силой затолкала в их квар-

тиру. Несколько минут, стоя в коридоре с телефоном в руках, она изучала содержимое поста, потом философски режюмировала:

– Мы с тобой ничего плохого ни о ком не сказали. И вообще, почему парням не стыдно обсуждать девчонок, а мы должны переживать по этому поводу? Тем более про нас и так все всё знают.

– Что знают? – не поняла я.

– Ну что мы такие... глупые.

– Я не глупая.

– Не важно, – запросто отмахнулась она, – это мы с тобой понимаем. Ну и Ромка, и, возможно, Мартов. Если ты умный, то должен отвечать за свои слова, поступки, действия. А с глупых какой спрос? Это же очень удобно, Алис, неужели ты еще не поняла? Глупым все прощают.

– Хорошо! – Слова Ксюши прозвучали убедительно. – Тогда как поступим? Сделаем вид, что ничего не произошло и в нашей переписке нет ничего стыдного?

– Так сделали бы умные. – Она улыбнулась. – А глупые должны все отрицать и тем самым еще сильнее привлекать к себе внимание.

– Нет уж! Я не хочу привлекать к себе внимание подобным образом. Вполне достаточно того, что есть.

– Ладно, – милостиво согласилась Ксюша, – сделаем вид, что мы глупые, но поступим как умные.

Мы обнялись. Из соседней квартиры доносилась громкая

музыка и оживленные голоса. Родители перешли к фазе активного веселья. На улице тоже кто-то громко разговаривал, таякала собака, взвизгивали и смеялись дети.

– Мне это не нравится, Ксюш, – тихо проговорила я ей в плечо.

– Ясное дело, никому не нравится.

– Нет, не так, как всем! – Я замолчала, надеясь, что она поймет без объяснений.

И она поняла. Резко отстранившись, положила руки мне на плечи и легонько встряхнула.

– А мне знаешь что не нравится? Что в последние дни ты слишком часто думаешь и говоришь о том, о чем не должна.

В ее огромных серо-зеленых глазах я увидела свое отражение.

– Я же не специально. Очень стараюсь ни на чем не фокусироваться, но оно лезет само.

– Это весна и авитаминоз!

– Возможно.

– Экзамены и нервы.

– Да, скорей всего.

– Тебе нужны положительные эмоции.

– Еще как нужны!

Быстро поцеловав меня в лоб, она прошла в комнату, которую, несмотря на половые различия, им приходилось делить с Ромой, и со вздохом присела на край своей кровати.

– Короче! Предлагаю не загоняться. Вон Толоконниковой

еще хуже.

– Шутишь? – Я опустилась рядом. – Да Марго бы и сама свои нюдсы в общую группу запостила, если бы не боялась, что Лу ее бросит.

– Это точно. Новость так себе. С учетом того, как она одевается, ее сиськи не видел только слепой.

– Да и секстинг Проскураина и Ники фигня. Они же встречаются. Тупо кринж, не более. Кстати, про то, что они с Лу развели девятиклашек на деньги, все в курсе, какой смысл это сливать? И про телефон Гагариной тоже. Степа ведь его потом вернул! – Я задумалась. – Действительно, по большому счету этот вброс – пустышка. Похоже, кто-то из мелких недоделанных хакеров развлекается.

– Тогда наши его найдут и оторвут голову.

– Может, нужно сообщить в техподдержку о взломе?

– Просто поменяем пароль.

В прихожей хлопнула дверь, и мы замерли. Быстрыми шагами кто-то прошел по коридору, послышался щелчок дверной ручки.

– Ромка, – сразу определила сестра.

Мы переглянулись и, не сговариваясь, бросились за ним в спальню Альбины. Присев на корточки перед комодом, Рома выдвинул нижний ящик и достал оттуда упаковку бумажных платков.

– Зачем они тебе? – удивилась Ксюша. – Парни не поль-

зуются носовыми платками.

– Да? – Рома смерил ее недоверчивым взглядом. – По-твоему, они сморкаются в рукав рубашки?

– У тебя нет соплей, – не унималась Ксюша. – Давай колись, что ты затеял.

Шутливо вытолкав нас из комнаты, Рома принял загадочный вид.

– Это не для меня.

– Тебя кто-то ждет внизу?

Он кивнул и поспешил к выходу.

– Бли-и-ин, – догадалась Ксюша, – ты с кем-то гуляешь? Давай говори, с кем! Мы ее знаем?

Рома неопределенно передернул плечами, и Ксюша крепко схватила его за локоть.

– Быстро говори, а то мы пойдем с тобой. Ты же не хочешь, чтобы мы пошли с тобой?

– Ну, допустим, с Жанной, – нехотя признался он.

– Что? – ахнули мы с Ксюшей в один голос. – С Носовой?

Вместо ответа он отцепил Ксюшины пальцы и юркнул за дверь. Ксюша попыталась кинуться за ним, но я ее удержала.

– Пусть гуляет с кем хочет.

– Но это же Носова! Она же тю-тю, – Ксюша покрутила у виска.

– Мы с тобой тоже тю-тю, – засмеялась я. – Пойдем есть торт!

– А мы влезем в платья для выпускного?

– Влезем, потому что мы их еще не купили.

Родители готовились ко сну. Мама принимала душ, папа складывал стол. Балкон в комнате был открыт, и теплый ветерок с улицы приятно разгонял духоту и запахи еды.

Май всегда казался мне упоительным, сказочным, невероятным. В мае я чувствовала себя счастливой и влюбленной еще больше, чем обычно. Во всё и во всех! В чернично-кремовое небо, в пепельно-голубые облака, плывущие над крышами домов. В теплые желтые окошки квартир и их обитателей. В компании, гуляющие во дворе, в музыку, доносящуюся со всех сторон, в скрип качелей и шуршание колес машин.

И все же в этом году что-то пошло не так. Нет, май оставался прежним, однако со мной происходило нечто непривычное. Возможно, мне и правда не хватало витаминов или гормонов радости, но тревожное звучание надвигающейся опасности нарастало, и его становилось все сложнее игнорировать.

Красное платье, Гудвин, взломанный аккаунт, привидевшийся в метро Розовый Фламинго – при воспоминании об этом в животе трепетал неприятный холодок, и сознание с непозволительной вольностью вразнобой подсовывало эпизоды-намекы, о которых я усиленно пыталась не думать.

Черный мусорный пакет, принесенный ветром к моим ногам по дороге в школу. Бордовая лужа от разбитой бутылки вина, попавшееся во время приготовления завтрака тух-

лое яйцо. Новенькая наклейка в лифте: «Будьте внимательны и осторожны!»

Я вполне могла допустить, что так выражается страх надвигающихся экзаменов, подсознательное сопротивление переменам или взросление, и я с удовольствием приняла бы данное объяснение своего состояния, если бы не была совершенно точно уверена, что дело в другом. Уже более полугода я не сталкивалась ни с чем серьезнее разговаривающего со мной телевизора и невинных бытовых сигналов вроде порвавшегося чайного пакетика, рекламного звонка или найденной на улице перчатки. Телевизор время от времени просто вел со мной диалог, либо поддерживая, либо опровергая мои мысли. Стоило, например, подумать, что соседи за стенкой слишком бурно ссорятся, как из гостиной, где папа, развалившись в кресле, «приходил в себя» после работы, доносился голос киношного героя: «Какое тебе дело? Да пусть хоть поубивают друг друга! Это их собственный выбор». А если я искала в шкафу вещь, он мог дать подсказку: «Начнешь всем все раздавать, у тебя ничего не останется», и я тут же вспоминала, что дала поносить ее Ксюше. А бывало советовал: «Поздно не ложись», «Просто заугли», «Оставь это до завтра».

К подобному я привыкла. Подобное не удивляло, не пугало и не омрачало жизнь. Небольшое дополнительное знание о вероятности того или иного события – как наблюдение за погодой: набежали тучки, скорей всего, будет дождь.

Порой поступали и серьезные тревожные сигналы, неясные, зловещие, откуда-то издалека, будто приносимые ветром раскаты грома, но если к ним не прислушиваться и не смотреть в сторону темнеющего горизонта, они пролетали мимо, и снова все входило в привычное спокойное русло.

Телефон пиликнул уведомлением о сообщении. Гудвин: «Видел в группе вашу переписку. Вы смешные. Теперь я понимаю, почему ты спрашивала, на сколько баллов я себя оцениваю». – «Ты имеешь к этому посту какое-то отношение?» – «Нет. Зачем мне?» – «Не понимаю, кому нужно пытаться опозорить всех сразу?» – «Он заявляет о своей власти и, подозреваю, выложил в группе далеко не самые страшные секреты из тех, что отыскал на взломанных страницах». – «Хочешь сказать, что это предупреждение?» – «Это всего лишь версия».

Под балконом остановилась машина с громко бьющими басами.

«Из-за тебя я сегодня попала в идиотское положение». – «Очень любопытно». – «Подробностей не дождешься, но круг сужается! Еще немного, и я до тебя доберусь». – «Ого! Мне показалось или ты со мной заигрываешь?» – «Я тебе угрожаю». – «Это одно и то же.

Глава 8

Город пах зелению. Почувствовать это в Москве редко удавалось, но сейчас повсюду косили свежую молоденькую траву, изумрудные облака первой листвы опушили кусты и деревья, на клумбах распустились тюльпаны. Сирень еще только набирала цвет, но те участки газона, где не успели пройти косилки, были усыпаны жизнерадостными одуванчиками. Я могла бы всю жизнь сидеть вот так на качелях с Ксюшей, есть ореховое мороженое и разглядывать прохожих. В солнечный воскресный день на улицу, казалось, вышел весь район. Люди гуляли с детьми, собаками, семьями, поодиночке, мимо то и дело пролетали ребята на скейтах, самокатах или велосипедах, многие из них были из нашей школы. К парочкам нашего возраста мы присматривались особенно внимательно, а когда кого-нибудь узнавали, с любопытством обсуждали их.

– Смотри! – Ксюша ткнула меня в бок и покосилась через плечо.

Я обернулась. К нам приближались Марго, Ника и Лена Колпакова.

– Чего им надо? – прошипела Ксюша. – Почему я должна видеть их в воскресенье?

Ответить я не успела. Девчонки поравнялись с качелями.

– Приве-е-ет! – Лена широко заулыбалась, словно безум-

но рада неожиданной встрече.

– А что вы тут делаете? – воскликнула Ника, разве что не кинувшись нам на шею.

– Привет, – натянув такие же притворные улыбки, отозвались мы.

– Гуляем, – сказала я. – А вы?

– Тоже гуляем, – ответила Ника.

– Мы сейчас Мартова видели, – сообщила Лена, – он у себя во дворе в футбол играет.

– Очень за него рада. – Я наблюдала за выражением лица Марго, которой улыбка давалась с большим трудом.

Маргарита была черненькая, кудрявая и голубоглазая. Она начесывала свои кудряшки наподобие афро, одевалась в стиле хип-хоперши из Бруклина, а материлась как сантехник из Жулебино. Ее мама работала в «Смешных ценах» на соседней улице и жила с их водителем в его квартире, поэтому Марго постоянно водила к себе компании, а Лу даже оставляла ночевать.

– Вы чего одни? – как бы невзначай поинтересовалась Ксюша. – Где ваши парни? Паша? Лу?

– Они не смогли, – щурясь от солнца, Ника развела руками.

Из троих она, пожалуй, самая невзрачная. Рыжеватая, бледная, почти не накрашенная, безвкусно одетая и немодная. Однако Марго приходилось мириться с ее обществом, потому что Проскурин был лучшим другом Лу.

– Жаль, – сказала Ксюша, слегка раскачивая качели, – погода классная.

Разговаривать было не о чем, но они все равно стояли перед нами.

– Есть какие-нибудь мысли по поводу того, кто взломал странички? – наконец произнесла Марго.

– Вообще нет, – ответила я, – мы сами прикидывали, но ничего не придумали.

– А твой брат не знает? – Марго пытливо посмотрела на Ксюшу. – Это ведь точно кто-то из ашек. Недоделанные, блин, хакеры.

– Не знает.

– И не догадывается? – уточнила Лена.

– Послушай, – меня начал напрягать этот допрос, – мы тоже попали, поэтому можешь быть уверена, что спрашивали его с пристрастием.

– Да, вы тоже! – Марго недобро нахмурилась. – Как раз хотела предупредить. Она медленно перевела взгляд на Ксюшу. – И не думайте к Лу лезть, ясно? Замечу что-то такое, обеим волосы повыдираю.

– Что? – от возмущения Ксюша перестала дышать.

– Можешь не волноваться, – фыркнула я, – нас бэушные экземпляры не интересуют.

– Меня интересуют! – Ксюшина улыбка напоминала оскал. – Пока ты не сказала, я об этом и не думала. Но теперь как вызов получила.

Марго резко шагнула вперед.

– Я предупредила и не шучу.

Ксюша прыгнула с качелей ей навстречу. Пришлось последовать за ней и, подхватив под локоть, увести в сторону, прежде чем произошло столкновение.

– Пока, – крикнула нам вслед Ника.

– Угрожать она мне еще будет, коза, – возмущалась Ксюша, пока мы шли в ТЦ. – Теперь нарочно возьму и отобью его у нее.

– Не дури! К чему сейчас еще и эти проблемы?

– К тому, что жить нужно сейчас. И если хочешь что-то сделать, то тоже сейчас, чтобы потом не кусать локти, что не решилась. Я хотела влюбиться в Лу, вот и влюблюсь.

– Ты же вроде пообещала мне, что не будешь с ним связываться?

– Пообещала. Но Марго меня выбесила.

В понедельник математика была третьим уроком, и я, прижавшись плечом к такой же нахохлившейся и полусонной Ксюше, пригrelась.

У доски Веня Шалаев делал доклад о ярких фигурах в мире математики. Иван Сергеевич дал это задание тем, кто хотел закрепить пятерку. Мы с Ксюшей, разумеется, в этот список не попали, поэтому не готовились и своей очереди не ждали.

Веня вещал о некоем Абрахаме де Муавре, который

при помощи арифметической прогрессии вычислил дату своей смерти.

Никогда прежде слово «смерть» меня не пугало и не вызывало каких-то особенных чувств. Ну смерть и смерть, чего тут такого? С ее упоминанием сталкиваешься по сто раз на дню: на уроках литературы, истории, биологии, в интернете, кино и книгах. Необратимое прекращение жизнедеятельности организма – не более.

Однако в тот момент, когда Веня произнес это слово, я вдруг ощутила нечто похожее на удар током. Мощную болезненную вспышку тревожного беспокойства, настолько сильную, что показалось, будто еще секунда – и я отключусь. Резко вздрогнув, я откинулась на спинку стула. Меня охватил жар.

– Что случилось? – шумно вскинулась Ксюша. Убрала с моего лица густую завесу волос и потрясла за руку.

Проскурин с Лу обернулись, а математик обеспокоенно подошел к нашей парте.

– Алиса, тебе нехорошо?

– Можно выйти? – прошептала я, все еще чувствуя заложенность в ушах.

– Конечно, – Иван Сергеевич испуганно кивнул, – ты уверена, что тебе не нужна помощь?

– Я помогу! – Тут же вскочив, Ксюша быстро покидала наши с ней вещи в свой рюкзак и вытащила меня в коридор. Как только дверь класса за нами закрылась, я сползла по сте-

не вниз. Подруга опустилась рядом на корточки.

– Что? Живот болит?

– Нет.

– А что?

– Кажется, это опять.

– Что это?

– То самое! – Я многозначительно посмотрела в ее прекрасные, густо накрашенные черной тушью миндалевидные глаза, и они со страхом распахнулись.

– То самое?

– Да. И очень сильно. Неожиданно. Как будто на кнопку нажали.

– Может, ты о чем-то таком думала?

– Вообще нет. Я просто слушала Шалаева, вот и все.

– Ты уверена, что это оно?

– А ты? Ты ничего не почувствовала? Не заметила?

– Не-а, – Ксюша помотала головой, отчего аромат ее мускусных духов окутал меня облаком, по ее собственному определению, «лунного тепла».

– Ладно. – Я протянула руку, и она помогла мне встать. – Может, и в самом деле колики или приступ гастрита. Нужно что-нибудь съесть.

Мы молча спустились на первый этаж и пошли в столовую. Там было тепло, светло и в отсутствие голодной толпы учеников даже уютно. За дальним столиком завтракала физичка.

Объяснив поварихе, что у меня случился голодный обморок и мне срочно нужно повысить сахар, Ксюша взяла нам по стакану горячего чая, две булочки с изюмом и плитку шоколада с орехами.

– Лучше? – Подруга дождалась, пока я съем половину булочки. – Ты меня так напугала, на тебе лица не было.

– Лучше, – подтвердила я, прислушиваясь, как приятно растекается по желудку горячий чай. – Но все равно неприятный осадок остался, как после дурного сна. Да ты и сама наверняка знаешь, как это бывает.

Ксюша недовольно передернула плечами и пробубнила с набитым ртом:

– Я все забыла. Напрочь. И вспоминать не собираюсь.

– Думаешь, я собиралась?

– Хорошо, – подавшись вперед, она облокотилась на стол. – Хочешь поговорить об этом?

Мы всегда нарочно использовали эту классическую псевдоэтичную фразу психологических подкатов, чтобы разрядить обстановку и посмеяться, но сейчас было не до шуток.

– Да! Хочу, потому что боюсь!

– Чего боишься?

– Что может произойти плохое.

– Что, например?

– Ты же понимаешь, что я не знаю точно. Только чувствую.

– Смерть? – произнесла Ксюша страшное слово. – Тебя же

этим Веня напугал?

– Предположим.

– В этом нет ничего удивительного. Его брат застрелился и явился к тебе во сне, приглашая сыграть в ужасную игру. Он был участником группы смерти. И то, что сам Веня вызывает у тебя такие ассоциации, естественно. Тут необязательно обладать сверхспособностями, чтобы почувствовать дискомфорт.

– Дискомфорт? – Мне не понравилось, как она это сказала. – Ты говоришь, как какой-нибудь дурацкий психолог, словно у тебя самой этого не бывает!

– Потому что последнее, что мне сейчас нужно, – это повышенная тревожность и паранойя.

– Ты ведь тоже это чувствуешь, правда? – с надеждой спросила я.

Мне казалось, еще немного – и Ксюша отгадет. Мы с ней обнимемся и обсудим все, как в прежние времена. До того, пока не решили, что не хотим ничего знать. Но этого не произошло.

– Первое правило никто не отменял, – сухо произнесла она.

Я задумалась. Снова приоткрывать дверь и впускать это в свою жизнь никак нельзя. А первое правило закрытых дверей гласило: «Немедленно забудь».

Все, что вспыхивало внутри тебя красной лампочкой, требовалось срочно погасить. Любыми силами выкинуть из го-

ловы, не возвращаться, не прокручивать заново переживания, не цепляться за ниточки интуитивных смыслов и не ступать на эту темную, скрытую от разума территорию.

– Давай просто проверим Веню? – предложила я, чувствуя, что уперлась в стену ее упрямства.

– Проверим на что?

– Просто проверим.

– Как Ершова и Рощина? – хитрый блеск в ее глазах тут же подкупил меня, вызвав улыбку.

– Нет, только не так. Может, позовем его в кино или просто погуляем?

– Хорошо. У меня есть идея: мы напросимся к нему в гости.

Веня был самым очаровательным мальчиком из наших двух классов. Милый, улыбчивый, добрый и абсолютно фриковый. Он красил волосы в яркие цвета, а ногти покрывал черным лаком. Носил в обоих ушах сережки, и девочки его не интересовали, впрочем, как и парни. По крайней мере, мы ничего об этом не знали. Он жил в своем геймерско-анимешном мире, увлекался косплеем, участвовал в фестивалях, имел аккаунт на «Патреоне» и даже что-то на нем зарабатывал.

Теоретически Веня мог быть в меня влюблен, но в это верилось слабо, слишком уж тщательно он поддерживал свой андрогинный образ и, казалось, любил исключительно самого себя, и то в основном на фото.

Квартира Шалаева находилась на последнем этаже шестнадцатипятиэтажки и напоминала студию. Его мама была интерьерным дизайнером, и поэтому каждая из трех комнат у них напоминала картинку из мебельного каталога.

– Все-таки лучше было вам сначала подготовиться, – всю дорогу от школы Веня ворчал, что фотографироваться в форме не прикольно.

– У нас будет кежуал-фотосет, – сказала я. – Как будто мы шли из школы и просто заглянули к тебе в гости.

– Да? – Веня неодобрительно вздохнул. – То есть у вас такой концепт изначально?

– Нет. – Ксюша с интересом разглядывала его комнату, остановившись возле стены, увешанной фотографиями Вени в красочных образах персонажей Геншина и Аркейна.

– Концепта никакого нет. Просто нам нужны хорошие фотки.

– Если хотите, я могу вас в кого-нибудь переодеть, – оживился он, отодвигая створку шкафа, за которой обнаружилась гардеробная, размером с половину моей комнаты.

Яркие костюмы наподобие театральных, парики, реквизит, обувь, куча коробок и пакетов.

– Вот это да! – ахнула Ксюша. – Даже у Альбины такого нет.

Ромина мама обожала наряды, и наши родители постоянно шутили, что если продать ее вещи, то на вырученные деньги можно десять лет кормить обе семьи.

– А то! – Веня довольно заулыбался. – Думаешь, я за красивые глаза деньги зарабатываю?

Но, поймав мой насмешливый взгляд, рассмеялся.

– Ну да, и за глаза тоже.

Я попыталась вообразить, что Гудвин – Веня. И что это его роль, в которую он вживается так же, как в своих косплейных героев. Представила, как по вечерам, лежа на своей бархатной бежевой софе с круглыми подлокотниками, он пишет мне игривые и многозначительные сообщения. Как мечтает обо мне и обещает стать чат-ботом.

– Возьми вон тот изумрудный платок, – донесся до меня Венин голос.

Пока я размышляла, Ксюша выбрала себе наряд – белое кружевное платье.

– Изумрудный? – насторожилась я. – Почему ты сказал «изумрудный»? Не зеленый, а именно изумрудный?

– Потому что он изумрудный! – Веня удивленно вскинул брови. – А что не так?

Мы с Ксюшей переглянулись.

– Все норм, – Ксюша взяла со стула тонкий полупрозрачный шарфик и обмотала им шею. – Мне, кстати, идет, да?

– Да, очень, – подтвердил тот, – глаза намного ярче, а кожа нежнее. Тебе нужно носить оттенки зеленого. Это твои цвета.

– А мне какой цвет пойдет? – подключилась я.

Веня задумался.

– Что скажешь насчет красного? – Я вперилась в него так пристально, что могла бы, наверное, прожечь дыру, однако он этого не заметил.

– Ты темненькая и броская, в красном будешь выглядеть эффектно. Хочешь один костюм примерить? Он, правда, мужской, но на тебя сядет классно.

Веня пошел к шкафу.

– А ты разве не помнишь меня в красном? – Я не сводила с него глаз.

Шалаев замер, задумавшись.

– Веня, – сжимая в руках белое платье, Ксюша с заговорщицким видом подалась к нему, – а кто, по-твоему, красивее – я или Алиска?

– Ну... – Парень потер подбородок. – Вы же совсем разные. Алиса похожа на розу – прекрасная, манящая, но колючая, а ты на роскошную белую лилию – изысканную, ароматную и соблазнительную. Как можно сравнивать?

– Чего это я колючая?

– Извини, если обидел. Я ничего не имел в виду. Всего лишь описывал розу.

– А если бы тебе пришлось выбрать, кого из нас ты выбрал бы? – снова озадачила его Ксюша.

– Все, Михайлова, перестань, – он неожиданно смутился, – знаю я ваши штучки. Вы всех так разводите.

– Почему сразу «разводите»? – Ксюша перестала улыбаться. – Вот это обидно сейчас прозвучало.

– Нет, я ничего не имел в виду, но в твоих словах слышится подвох.

– А почему у тебя нет девушки? – продолжила наступление я.

Веня вконец растерялся.

– Не знаю. Нет времени на это.

– Скажи честно, Шалаев, ты гей? – не дала ему опомниться Ксюша.

Веня окончательно задержался.

– А какое это имеет значение?

– Очень важное значение, – твердо сказала я, – если ты не можешь выбрать никого из нас, значит, ты гей.

Ксюша громко рассмеялась:

– Железная логика.

– Алис, перестань. – Он миролюбиво положил мне руку на плечо. – Я не гей, но выбирать никого из вас не собираюсь.

– Ну а тебе кто-то из девочек нравится? – попыталась дожать его Ксюша.

– Допустим.

– Допустим? – Я прищурилась. – Знакомая риторика.

– Что? – не понял Веня.

– Да есть у меня знакомый, который вот так же любит уходить от ответа.

– Мы будем фотографироваться или вы продолжите отпускать неуместные шуточки? – Веня наконец посмотрел мне в глаза, но ничего, кроме раздражения, я в них не про-

чла.

– Пожалуй, ты прав, – Ксюша аккуратно повесила платье на спинку стула. – Давай лучше в другой раз. Я подготовлюсь. Помою голову, и брови нужно подровнять.

– Хорошо! – Веня с облегчением выдохнул. – Можем организовать съемку у Матвея. Там подходящие интерьеры, и вы подберете наряды.

– У Матвея? – переспросила Ксюша.

– Вы же едете к нему на день рождения в следующую субботу? Он вроде всех звал на дачу.

– А почему мы не в курсе? – Ксюша вопросительно уставилась на меня. – Алис, ты знала?

– Нет конечно. Я сказала бы тебе.

– Бли-и-ин, – внезапно разозлилась она, – все едут к Оболенцеву на др, а мы в полете? Ромка наверняка знает и ничего не сказал, гад. Все. Идем.

Она потащила меня из квартиры.

– Слушайте, – Веня нагнал нас в коридоре, – вы только не говорите Роме, что информация от меня, а то мало ли. Вдруг это секрет, а я растрепал?

Глава 9

В тот день Ксюша осталась ночевать у меня. Она сильно обиделась на Рому, не сказавшего нам про день рождения Оболенцева. Сначала он оправдывался, что якобы думал, будто приглашение Матвея распространяется только на «А» класс. Но когда она попросила замолвить за нас словечко, потупился.

– По правде говоря, я не хочу, чтобы вы туда ехали.

– Почему это? – удивилась я.

– Потому что, скорей всего, будет пьянка, и делать вам там нечего.

– Как это нечего? Тебе, значит, есть чего, а нам нет? – накинулась на него Ксюша. – Твоя Жанна небось поедет?

– Жанна поедет. Но она не такая...

– Какая «не такая»? Что значит «такая»? Ром, ты серьезно? Ты вообще за кого нас держишь?

– Блин, да ты не то подумала, – разозлился он. – Я просто не хочу, чтобы у кого-то потом были неприятности.

– У нас или у тебя?

– Ни у кого. Матвей Ивана Сергеевича тоже пригласил.

– Что? Учителя? – ахнула я. – А так можно?

– Пьянка с учителем? – Ксюша почти кричала. – Вы вообще в своем уме? А Аксенов?

– У него проблемы, и мы хотим его поддержать.

– Так, ну хорошо! – Подруга попыталась взять себя в руки. – Повтори, пожалуйста, еще раз, почему у кого-то из-за нас должны быть неприятности?

– Я же вас знаю, – Рома кусал губы, старательно подбирая слова, – вам нужны любовные приключения, и вы будете их там искать.

– А ты своей Носовой собираешься просто бумажные платки подавать?

– Если Алиса поедет, то и Кирилл поедет и будет бычиться, отгонять от нее всех. Я прямо-таки уверен, что какого-нибудь кипежа точно не избежать.

– Шикарно! – Ситуация казалась мне возмутительной. – Ты сам понимаешь, как это звучит? Мне Мартов никто. Почему я постоянно должна на него оглядываться? Я вообще пойду и напишу на него заявление в полицию, что он меня преследует.

– Обалдела? У него к тебе настоящие чувства, а ты его в полицию.

– Это не чувства, Ром, а терроризм какой-то.

– Значит, не поговоришь с Матвеем? – зло перебила нас Ксюша.

Рома помялся, но твердо ответил: «Нет».

Я не помнила, чтобы когда-нибудь он так вредничал и упрявился. Но, похоже, математики основательно промыли ему мозги. И то, что он говорил о нас в таком тоне, мол, вам там не место, звучало оскорбительно.

Мы с Ксюшей лежали под открытым окном плечом к плечу и, вдыхая ароматный ночной воздух, фантазировали о нашем будущем.

– Сразу накопить на две квартиры не получится, – ее профиль в полумраке выглядел призрачно-прекрасным, – сначала купим одну на двоих, а потом наберем и на вторую. Первую продадим и возьмем две рядом, как у нас сейчас.

– Это огромные деньги. Думаешь, мы столько накопим?

– Конечно, накопим! Может, даже довольно быстро. Я когда поступлю, начну видеоблог вести. Думаю, у меня получится. А блогеры квартиры покупают направо и налево.

– А я даже не знаю. Если стану расследовать преступления, как хотела, то вряд ли смогу что-то накопить в ближайшие пять лет. Может, мне вообще придется переехать в другой город.

– Да ну! С этим вообще проблем быть не должно. Заведем тебе канал на «Ютубе», найдем мальчика-оператора, и ты станешь расследовать, а он снимать. Если это по-настоящему интересные преступления, то миллионные просмотры нам обеспечены.

– Главное, чтобы получилось что-то расследовать, а то я уже начала сомневаться, что это возможно.

– Не поняла? Откуда сомнения?

– Да я со своими непонятками разобраться не могу, а там все неизвестное.

– А это нормально. Парикмахеры себя хорошо не постригут, а стоматологи не вылечат. Самому с собой всегда сложнее.

– Слышишь? – Я привстала на локте.

– Что? – Ксюша прислушалась.

– Твоя любимая песня.

*– Обнимай меня, обнимай всю ночь,
У тебя на сердце шрамы, у меня по телу дрожь.
Обнимай меня, обнимай всю ночь,
Даже если утром ты меня убьешь¹,*

– пропела она и рассмеялась. – А на день рождения к Матвею мы все равно попадем!

– Как?

– Без понятия. Но точно знаю, что мы там будем.

О том, какие именно знаки мир ей подавал, Ксюша молчала, но это вовсе не значило, что она не научилась их понимать.

На следующий день в столовой к нам подошел Оболенцев и запросто подсел рядом.

– Привет. Как дела?

Ксюша перестала жевать, я чуть не поперхнулась чаем. Матвей – самодовольный позер, неприкрыто кичивший-

¹ *Космос*. Три дня дождя.

ся умом, внешностью и властностью. Он ходил по школе как полноправный король, хотя проучился здесь всего два года. С учителями держался на равных, а на учеников смотрел свысока. Все парни искали его одобрения, а девчонки приходили в восторг, если он обращал на них внимание.

Фишка заключалась в том, что он действительно был умным, решительным и красивым: открытое, с безупречно правильными чертами лицо, темные волосы, острые золотисто-карие глаза. По Ксюшиным меркам он тянул на девять с половиной баллов, а по моим – лишь на восемь с половиной. Наша оценка разнилась из-за его апломба, который так нравился Ксюше, но раздражал меня.

До того Нового года она только и думала, как начать с ним встречаться. Но потом словно отрезало, а о причине я начала догадываться лишь сейчас. Матвея же Ксюшино бегство, казалось, раззадорило, потому что время от времени с регулярной настойчивостью он предпринимал попытки к ней подкатить.

– Все хорошо, спасибо, – пробубнила Ксюша, торопливо проглатывая булку.

– Вы же в курсе, что у меня в субботу день рождения? – Матвей смотрел на нее. – Хотел вас лично пригласить. Шашлыки, танцы, бассейн. Все по-взрослому.

– Тебя Рома попросил нас позвать? – спросила я.

Он загадочно улыбнулся.

– Рома просил вас не звать, но я передумал.

– Как? – Ксюша от удивления раскрыла рот. – Да я ему...

– Нет-нет, не нужно! – Матвей придержал ее за руку. – Я не хочу с ним ссориться. Вы просто приезжайте, и все. А там уже разберемся. Я потом адрес скину. Или, может, Тим вас захватит – они со Степой такси собираются заказывать. Просто пока не говорите никому, ладно? – Он повернулся ко мне: – Особенно Мартову.

Оболенцев ушел так же быстро, как и появился, а мы еще несколько минут сидели молча, переваривая информацию.

Гудвин писал всю неделю каждый день и засыпал нелепыми вопросами. О чем я мечтаю? Что спасла бы из горящего дома? Когда в последний раз плакала? Верю ли в любовь с первого взгляда? Какие книги читаю, какую музыку слушаю? Куда собираюсь поступать? Какого цвета у меня зубная щетка?

То вдруг его прорывало, и он, бурно признавшись в любви, резко прекращал общение, а потом, вернувшись, переходил на другую тему, словно эти признания причиняли ему боль. Больше он не писал ни о красном платье, ни о чем-либо другом, что свидетельствовало бы о его нездоровом увлечении мной.

Иногда он держался сухо и лаконично, а бывало, заигрывал и делал непрозрачные намеки на близость, которые скорее смешили, чем пугали.

Постепенно желание вычислить, кто он, сменилось ин-

тересом разобраться, какой он. Хотелось лучше его узнать и выяснить, что с ним происходит. За время нашей переписки я поняла, что у него есть какая-то темная тайна, о которой он не сказал ни слова, но я прочла это между строк. А еще признался, что однажды уже был сильно влюблен и, хотя его любовь «умерла», его обязательства перед ней не исчерпались.

Всякое подобное заявление Гудвин делал внезапно и никаких последующих комментариев не давал. А если я начинала настойчиво расспрашивать, просто пропадал. Как-то я спросила, может ли он признаться, кто он, если я пообещаю, что никому об этом не расскажу.

«А ты представь, что очень сильно кого-то любишь, – ответил он. – Так сильно, что ни о чем другом думать не можешь. И тебе это мешает есть, спать, заниматься делами. Готовиться к экзаменам, в конце концов. Просто представь, если ты подобного никогда не испытывала. Предположим, это Лу». – «Почему сразу Лу?» – «Но ты ведь писала Ксюше, что он «пляжный краш». – «Это было давно и в шутку». – «Значит, сейчас тебе он не нравится?»

Я собиралась ответить, что из-за Лу точно не перестану есть и спать, но потом вдруг подумала, а если Гудвин на самом деле и есть Лужников, то получится жестоко, поэтому ответила, что Лу встречается с Марго.

«Это не важно, – написал он, – я всего лишь попросил представить». – «Ну хорошо, представила, и что дальше?» –

«А дальше ты приходишь к нему и говоришь: «Саша, я тебя люблю». Как думаешь, что он ответит? Нет, лучше представь, как он на тебя посмотрит». – «Допустим, как на дуру». – «Вот именно. Но даже если не выскажет этого прямо, то станет прикалываться за глаза, обсуждать с друзьями и никогда в жизни не отнесется к тебе серьезно». – «А если я не посмотрю на тебя как на дурака? Вдруг ты мне тоже нравишься? Ты об этом не думал?» – «Конечно, думал». – «И?» – «И даже фантазировал на эту тему». – «Серьезно?» – «Да, и это тупик, Алиса, из которого выход только один – чье-то разбитое сердце».

Ксюша считала, что с Гудвином все просто: ну поклонник и поклонник. Мало их было? Записки, признания, сообщения, взгляды, намеки – неотъемлемая часть любой девчачьей жизни. А то, что кто-то там себе напридумывал больше обычного, не наша проблема. Люди вообще постоянно хотят именно то, чего не способны осилить.

В детстве меня отдали в музыкальную школу по классу скрипки. Но проучиться больше двух лет я не смогла. Мне очень хотелось играть так же прекрасно, как Зоя Степановна – моя учительница по специальности, и выглядеть на сцене со скрипкой столь же потрясающе, как Катя Осокина из выпускного класса, но репетировать до зубного скрежета каждый день было невыносимо. У меня отваливались пальцы, болели руки, запоминать унылые гаммы не получалось и тратить драгоценное время, сидя пнем на стуле, не хватало

никакого терпения.

Мама говорила: «Нужно просто очень-очень захотеть – и тогда все получится». И я честно старалась хотеть как можно сильнее. Сидела, отложив скрипку подальше, и, зажмурившись, призывала все силы хотения. Но гаммы от этого все равно не учились, а руки более гибкими не становились. Да, какое-то время я мечтала стать скрипачкой, ведь Зоя Степановна меня хвалила и не сомневалась в моих способностях. Но, как выяснилось, одного хотения и способностей недостаточно ни для чего – ни для скрипки, ни для любви.

Ксюша ошибалась. С Гудвином не было «все просто». С ним было явно что-то не так. Я сто раз перечитала все его сообщения, но отыскать ответ пока не смогла.

Глава 10

В подарок Оболенцеву мы купили пауэр-банк и подтяжки с черно-белыми ромбами. Ксюша сказала, что они выглядят стильно и Матвей оценит, а мне больше понравился пауэр-банк. И то и другое спрятали в моей комнате – подальше от Ромы.

Нас подмывало наехать на него за то, что просил Матвея нас не звать, но пока планы о предстоящей поездке приходилось хранить в секрете.

Спешно помирившись с ним, Ксюша нарочно прикидывалась паинькой, чтобы потом, когда встретимся на даче, посмотреть, как Рома обалдеет, и предчувствие мести нас очень воодушевляло. Пришлось даже подговорить мам, сказав, что хотим сделать ему сюрприз, и попросили ни в коем случае ему не рассказывать. В чем суть сюрприза, они не очень поняли, но обещали молчать.

А в субботу, когда мы уже собирались выходить, позвонил Кирилл. Как почувствовал! Он мне редко звонил, только писал иногда.

- Привет! Что делаешь?
- Ничего. Гулять собираюсь.
- С кем?
- С Ксюшей.
- А еще с кем?

– Чего ты хочешь?

– Пойдем в зоопарк!

– Нет.

– Почему?

– Не хочу.

– Точно?

– Да!

– Просто Рома уезжает, а погода классная. Ладно, придется позвать соседа.

– Отличное решение! Давай, хорошего дня.

Сбросив вызов, я прикусила язык. Обманывать Мартова было неприятно. Рано или поздно он все равно узнает. Всплывут фотки и рассказы. Придется признаться, что соврала из-за Ромы, хотя на самом деле зашифровались мы еще, чтобы не узнал Кирилл.

Но я решила пока об этом не думать. Впереди предстояли отличные выходные, а все неприятное переносилось на понедельник.

Со Степой встретились возле его подъезда и, дождавшись Тима, вызвали такси.

После нашего бегства из «Сто пятьсот» мы с ним не разговаривали. Когда он подошел и, приветливо поздоровавшись, предложил взять мою сумку, я испытала ужасную неловкость. Стоило написать ему и извиниться, но я так долго с этим тянула, что по прошествии трех дней раскаяние по-

теряло всякий смысл.

Поездка на такси на четверых выходила не очень дорого, да еще и круто, потому что Рома, Носова, Шалаев и еще пара человек поехали на электричке.

Тим, высокий и широкоплечий, сел впереди рядом с водителем, а Степу усадили сзади рядом с Ксюшей. Считалось, что они как бы дружат, и это «как бы» означало, что ему Ксюша нравится, а он ей не настолько, чтобы, как она выразилась, стать «последним школьным увлечением». Однако общались они друг с другом легко и, я бы сказала, увлеченно.

В отличие от большинства ашек Степа держался просто и дружелюбно. Не умничал, когда не просят, и не пытал душностью своего интеллекта. Математика его не сильно интересовала, он здорово шарил в программировании, и маткласс понадобился ему лишь для хорошей сдачи ЕГЭ.

Из-за пробок дорога до дачи Оболенцева заняла почти два часа. Но ехали мы весело, под оживленную болтовню Ксюши и Степы, обсуждавших сначала новинки сериалов, а потом переключившихся на «бедного» Ивана Сергеевича и его «подлюю» жену, которая, по словам Степы, сбежала к какому-то банкиру.

– Это я предложил позвать его на день рождения, – сказал он, – пускай отвлечется.

– Тогда ты и будешь его развлекать, – фыркнула Ксюша. – Если честно, мне бы не хотелось вообще попадаться ему на глаза.

– Вы его просто плохо знаете. Скажи! – Степа пихнул в спину Тима. – Это он в школе кажется строгим, а в неформальной обстановке отличный мужик.

– Он не кажется строгим, но мы ему не нравимся, – высказалась я.

– Да ну, – Степа отмахнулся, – вы просто привыкли, что вами восхищаются, а он любит только свою жену.

– Не говори глупостей, – одернула его Ксюша. – При чем тут «восхищаются»? Просто Аксенов сексист.

– Почему же он нормально общается с Носовой и Леоновой? Ни одного плохого слова им не сказал. Только хвалит.

– И когда же это вы общались в неформальной обстановке? – Ксюша между делом привалилась к Степе, и ему пришлось положить руку ей на плечо.

– Мы к нему регулярно ездим, – подал голос Тим, – у него дом в Кратове. Классное место! Первый раз были осенью, когда Иван Сергеевич решил уйти из школы.

– Ого! – удивилась я. – Не знала, что он хотел уйти.

– Но вы же в курсе, что он пил? – понизив голос, спросил Степа.

– Разумеется, – ответила Ксюша.

– Директриса дала ему неделю. Если не возвращается, то пишет заявление по собственному желанию, – пояснил Степа. – Нам пришлось отправиться к нему и убедить, что без него мы не справимся.

– Как трогательно, – хихикнула Ксюша. – Может, вы ему

еще и жену вернули?

– Жену не вернули, – сказал Тим, – но взяли над ним шефство. Степа прав: Иван Сергеевич хороший человек, очень умный, эрудированный и учитель от Бога. Будет обидно, если он похерит свою жизнь из-за какой-то бабы.

– Фу! – Ксюша поморщилась. – Роцин, ты совсем? Что значит – из-за какой-то? Раз он ее так любит, значит, она того стоит. Вы же сами утверждаете, что Иван Сергеевич умный.

В этот момент Тим резко обернулся, и наши глаза встретились. У меня перехватило дыхание, в голову ударила горячая волна, чтобы скрыть волнение, я уставилась в окно. В соседней машине, бутылочного цвета внедорожнике, мальчишка лет десяти на заднем сиденье, заметив меня, выставил вперед указательный палец и сделал вид, что стреляет.

Состроив рожу, я откинулась, будто он попал в меня.

– Алис, ты чего? – всполошилась Ксюша.

– Меня убили, – простонала я.

– В смысле?

Тим, который видел, что произошло, рассмеялся:

– Шеф, гони в больницу.

– А? Что? – задергался водитель, бросая взволнованные взгляды в зеркало заднего вида. – Кого-то тошнит? Подождите, я дам вам пакетик.

– Все нормально, – успокоила его я и показала мальчишке кулак. – Жива. Пока что.

– Пока? – Ксюша нахмурилась. – Ты зачем это сказала?

– Просто пошутила, ничего такого.

Она больно сжала мои пальцы, и я едва сдержалась, чтобы не вскрикнуть.

– Не нужно так шутить.

В ответ я ущипнула ее, и мы стали возиться, щекоча, кусая и щипая друг друга. Машина заполнилась визгом и смехом.

Оставшуюся часть пути по сторонам я больше не смотрела. Если не видеть знаки, можно считать, что их нет. Я бросала взгляды на Тима, отчетливо осознавая, что эта поездка – мой последний шанс, и если в этот раз он не проявит заинтересованности, то одиннадцатый класс я окончу без увлекательного романтического приключения и головокружительных поцелуев на выпускном. При мысли о поцелуях в животе встрепенулись бабочки, а сердце взволнованно забилося. Думать о любви было намного приятнее, чем прислушиваться к внутреннему голосу.

Дом у Матвея оказался трехэтажным, большим, облицованным серым камнем, с красной ломаной крышей. На участке стояли еще две постройки в том же стиле: гостевой домик с тремя комнатами на каждом из двух этажей и баня, к которой примыкал застекленный навес с бассейном.

Свежая нежная травка на лужайках была идеально скошена, бетонные клумбы у главного входа пестрели анютиными глазками, а во дворе, возле кирпичной площадки с мангалом, благоухали роскошные кусты разноцветной сирени: бе-

лой, розовой, пурпурной, лиловой и даже лимонно-желтой.

Матвей встретил нас у ворот и сразу все показал.

– Ходите где хотите, делайте что хотите. Только огромная просьба – ничего не ломать и не крушить, иначе выставлю вам счет с учетом услуг психолога, к которому мне придется обратиться после полученных от родителей люлей. Будет тошнить – туалет есть на каждом этаже. Кто до него не дойдет, будет расплачиваться позорными фотками, которые я обязательно выложу. Для секса есть гостевой домик, а кого застукаю в большом, оплатит клининг всего дома. Есть можно все, что увидите, то, что нельзя, я уже спрятал.

– Все-все, – перебил его Степа, – мы правила знаем: курить на улице, ночью песни не горланить, за территорию поселка без тебя не ходить, горячую воду экономить, соседских кошек не ловить... Что там еще?

Он посмотрел на Тима.

– Пароль от вайфая – число Неппера, – подсказал тот.

– Вот и отлично, – Матвей похлопал его по спине. – Тогда девчонкам сами все объясните. Кстати, вы первые, и у вас есть возможность выбрать комнаты.

– Ну, ва-а-аще, – ахнула Ксюша, – прям как в отеле.

– А то! – Матвей подмигнул ей. – Вас двоих могу поселить в большом доме.

– Отлично! – тут же согласилась она, даже не посоветовавшись со мной.

– Тогда идем! – Матвей забрал у Степы ее сумку. – Пока-

жу комнату. Будете жить рядом с Иваном Сергеевичем. Он, кстати, уже здесь и грозит сварить какой-то необыкновенный кофе.

– Нет, с Иваном Сергеевичем мы жить не будем, – твердо объявила я.

– Не с ним, – рассмеялся Матвей, – а по соседству.

– Все равно нет. Вдруг он храпит или лунатит? Нет уж, живите с ним сами.

Ксюша кивнула в знак одобрения.

– О таком нужно предупреждать заранее. Покажи нам лучше самую дальнюю от него комнату.

– Тогда гостевой дом.

– Вот и хорошо, – обрадовалась я, понимая, что Тим со Степой тоже собираются разместиться там. – Вдруг еще что-нибудь разобьем или ломаем.

– Понимаю! – Матвей протянул Ксюшину сумку обратно Степе. – И за клининговую службу не придется платить. Все, бросайте вещи и приходите на кухню, дам вам задание.

И он быстро пошел к большому дому.

Мы выбрали маленькую, похожую на гостиничный номер комнатку с двумя отдельными кроватями на втором этаже, а парни разместились на первом в большой комнате с камином. Они сказали, что это «их» комната, потому что занимают ее, когда приезжают к Матвею в гости, даже зимой.

Все началось гораздо круче, чем я себе представляла, и от

вечера можно было ожидать того же. Общество математика, конечно, нас смущало, но уже не так сильно. В конце концов, здесь полно места, чтобы не пересекаться с ним слишком часто.

– Пока мы мыслим здраво, – сказала я, наблюдая, как Ксюша освежает макияж перед овальным трехногим зеркальцем на комодe, – скажи мне, пожалуйста, что ты задумала?

– Ты о чем? – Она посмотрела на меня через отражение.

– В последний раз ты говорила, что не собираешься встречаться с Матвеем.

– Не собираюсь.

– Но то, что я сейчас видела, говорит об обратном.

– А что ты видела?

– Ксюш, я тебя знаю как облупленную – каждый твой взгляд и жест, вот и спрашиваю, почему то, что я видела, противоречит твоим словам.

Отложив в сторону карандаш для бровей, она медленно повернулась ко мне.

– Это же просто для настроения. Вы с Тимом так переглядывались в машине, что мне стало очень одиноко.

– И что дальше? Кто твоя жертва на этот вечер?

Хитро ухмыльнувшись, она вернулась к своему занятию.

– Ты же знаешь, что Проскурин с Лу тоже приедут?

– Но с ними Толоконникова и Сазонова!

– И что с того?

– Добром это не кончится.

– Издеваешься? – вспыхнула она, повысив голос. – Даже дурочка Носова, и та с Ромкой, а я, по-твоему, должна ходить как дура одна? Все станут веселиться, а я уныло сидеть в уголке?

– Вот только не нужно про «сидеть в уголке». Хоть раз в жизни так было? Пойми, скандалы нам не нужны. Не забывай про Аксенова!

– Предлагаешь замутить с ним?

Ксюша громко расхохоталась. Я искала, чем бы в нее кинуть, но ничего не нашла.

– Дурочка! Ты подставишь не нас, а Ромку.

– Так ему и надо! Нечего рыть другим яму. Хотел, чтобы последняя школьная тусовка прошла без нас?

– Мне тоже обидно, но, прошу, давай обойдемся без неприятностей. Мне даже Мартова пришлось обмануть из-за этого.

Ксюша медленно покрасила губы красной помадой и тяжело вздохнула.

– Я тебя поняла.

Глава 11

Через полчаса после нас приехали двое друзей Матвея из старой школы: Чижик и Олежка. По красоте оба баллов на пять, но не такие замороченные, как наши математики, и Ксюша немедленно переключилась на них. Я выдохнула с облегчением, а Степа, наоборот, напрягся.

Матвей сразу отправил ребят колоть дрова для мангала, и Ксюша, оставив меня одну выкладывать канапе из пластиковых коробок по тарелкам, ушла с ними.

Тим со Степой готовили площадку для танцев, раздвигая мебель в большом зале на первом этаже, а Матвей руководил ими, поэтому, когда на кухне появился Иван Сергеевич, я растерялась.

– Привет, Алиса! – На учителе был оранжевый пуловер и обычные синие джинсы.

И выглядел он гораздо моложе, чем в свитерах и костюмах, которые носил в школу.

– Здравствуйте! – Я потупилась, чтобы он не подумал, будто я его разглядываю.

– Приятно видеть тебя за работой.

– Спасибо.

– Не помешаю, если повожусь здесь немного?

– Нет конечно.

– Вот и отлично! – Иван Сергеевич взял из большой миски

на подоконнике два апельсина, а возле раковины деревянную дощечку и нож. – Ты пробовала кофе с апельсином?

– Нет.

– Сейчас попробуешь.

Порезав апельсины пополам, Иван Сергеевич выдавил руками сок из каждой половинки в чашку.

– Как добрались?

– Спасибо. Хорошо. А вы как?

– Тоже хорошо. Я на машине.

– Понятно. А мы на такси.

Повисло неловкое молчание. К счастью, канопе раскладывать я закончила и, воспользовавшись этим, побежала докладывать Матвею, что все сделала. Но он, к моему глубокому разочарованию, вернул меня обратно, велел нарезать овощи: огурцы, помидоры, перец и разложить их по тарелкам.

Овощей было килограмма по три – работы на полчаса, что в обществе математика представлялось мне вечностью. Я уже собралась отправиться за Ксюшей, чтобы потребовать ее участия, как неожиданно Иван Сергеевич предложил в помощники себя, временно отложив приготовление кофе с апельсином.

– Мама всегда запрягала меня помогать с готовкой! – Закатав рукава, он высыпал половину пакета с огурцами в раковину. – А когда женился, совсем отвык, разленился. А тебя мама заставляет готовить?

– Не заставляет. Но я и сама могу.

– А что ты обычно готовишь?

– Ну не знаю, разное – сырники, блины, пасту.

– Паста – это макароны, что ли?

– Не только макароны.

– Понятно! – Он едва заметно улыбнулся, как улыбаются взрослые, не желая оспаривать детские фантазии. – А я здорово готовлю плов. Себя, конечно, нехорошо хвалить, но это объективно. Всем очень нравится.

Он передавал мне мытые огурцы, а я резала каждый вдоль на четыре части.

– Ты, наверное, удивилась, увидев меня здесь?

– Да, немного.

– По правде говоря, я долго отказывался, но Матвей настоял. Забавно, они меня так опекают, словно я старый дед.

– А сколько вам?

– Тридцать два.

Я украдкой посмотрела на собеседника: лицо гладко выбрито, кожа ровная, без изъянов, но в уголках глаз и губ небольшие морщинки, глаза зеленовато-серые, губы тонкие, лоб большой, но каштановые волосы скрадывают его объем. Пахло от Ивана Сергеевича сладковатым одеколоном, смешавшимся с запахом апельсинов.

– А дети у вас есть?

– Нет. Не сложилось.

Мы снова замолчали, и я подумала, что зря спросила об этом. В очередной раз протягивая порцию огурцов, он

вдруг прямо посмотрел на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.